

Кристина Юраш

Закон Подлости
гласит...

Кристина Юраш

Закон подлости гласит...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40651287

ISBN 9785449629319

Аннотация

По закону подлости, я журналист самой честной газеты «Горькая правда», живу под чужим именем, в ветхом особняке с призраком чужой маразматичной бабки. Стоило попасть в другой мир, как у меня появилась работа мечты и неприятности. По закону подлости, последним городом правит магия и инквизиция, а их объединяет лишь одно – нелюбовь к самой честной журналистке. Красавец Инквизитор уже считает минуты и секунды до момента, когда меня загрузят в его кабинет для разбора полетов

Содержание

Аннотация	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ... чтобы о тебе все резко вспомнили, займись срочной работой	7
ГЛАВА ВТОРАЯ... если везет, значит, скоро придется платить за проезд	27
А.Э.	44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ... чем больше удовольствия приносит работа, тем меньше за нее платят!	50
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ... мужчина, который светит, не греет. Мужчина, который греет, не светит!	72
ГЛАВА ПЯТАЯ. ... если ты делаешь деньги из воздуха, всегда найдется тот, кто перекроет кислород	89
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ... среднестатистический памятник за год получает больше цветов, чем любая девушка	106
ГЛАВА СЕДЬМАЯ... когда говорят про свободу слова, имеют в виду право хранить молчание	123
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Закон подлости гласит...

Кристина Юраш

© Кристина Юраш, 2019

ISBN 978-5-4496-2931-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

В маленькой городской газетенке много не заработаешь, но если поднажать и заняться копирайтингом, то на жизнь хватит! И пока мой супруг осваивал диван, рядом с которым открылся филиал помойки, я работала, чтобы прокормить семью. Единственное, что осталось стоять после свадьбы – его носки, совесть сдохла в мучительных конвульсиях, и вот наконец-то мне удалось сбросить балласт и... Сходила за чаем, называется! Сначала какой-то бубнеж, потом хлоп! И два волшебника – недоучки, чужой мир и... возделенная работа в газете «Горькая Правда». Географию этого мира осилит даже двоечник, поскольку после всемирного потопа уцелел один город, обнесенный восьмиметровыми стенами. В этом городе пытаются ужиться прогресс а ля викторианская эпоха и магия а ля «поберегись! Если что, я оплачу ваши похороны!». Правят этим городом две партии. Инквизиция – представляет интересы тех, кто обделен магией или не хочет ее использовать. Партия Магии – это вообще отдельная песня.

Живу я под чужим именем в старой развалине, но в престижном районе. Судя по виду, в моей новой обители сняли не один фильм ужасов! Я даже догадываюсь, что полумный призрак чужой бабки, заставил поседеть не только всю ее почившую семью, но и зрителей. А тут еще по зако-

ну подлости неприятности сыплются на меня как из рога изобилия. Что ни репортаж, то я сижу в кабинете Канцлера от Инквизиции, и тщетно пытаюсь объяснить ему, что я ни в чем не виновата, глядя в его красивые, но холодные глаза.

Судя по его взгляду, он мало того, что читал мое творчество, так еще и осуждает. Если вы думаете, что передо мной сидит больной фанатик, то вы ошибаетесь. Канцлер от Инквизиции способен заткнуть за пояс любого мага. И не только теоретически.

Я не знаю, у меня плохо складывался диван, а вот с впечатлением проблем не было, поэтому мне кажется, что мои ежедневные посиделки на кресле «подсудимой» отнюдь не случайность. А то, что он считает время от моего визита до нового «здрасьте!», в часах, минутах и секундах, меня слегка смущает.

Я простой бывший Великий Инквизитор, и я закрою доступ к вашему автоклаву до тех пор, пока не получу гарантии, что эксперимент будет производиться на полигоне.

Б. и А. Стругацкие

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ... чтобы о тебе все резко вспомнили, займись срочной работой

– «Жизнь» есть?

– Нет, жизнь кончилась.

(разговор с почтальоном)

Единственный мужчина в моем доме – это чайник. Я грею его, он согревает меня. У нас все взаимно. Правда, после уговоров уже бывшего супруга я променяла старый, проверенный и горячо любимый чайник, который долго нагревался на газовой плите, на «молодой», ультрамодный и сверхскоростной, электрический. «Молодой», зеленый и неопытный чайник порадовал меня скоростью и техникой, зато разочаровал запахом. Он заводился с пол-оборота, но и остывал за считанные минуты. Муж ушел, но я жалею только о чайнике, выброшенном дрожащей рукой в порыве малодушия. Немолодой, солидный чайник, который я любовно чистила каждые выходные, снова примерещился мне на плите на своем привычном месте. И вот уже закипает его преемник, распространяя запах аптеки по всей кухне. Закрыв носик и нос и начинаем наливать чай с легким привкусом вареной пластмассы.

Пять минут назад у моего бывшего мужа поднялся палец набрать мой номер. Он достаточно уверенно заявлял про то, что ему срочно нужна МОЯ стиралка, на что получил лаконичный ответ их трех букв. «Совместно нажитое имущество! Я тоже деньги давал на ее покупку!» – твердил он через каждое слово. Но я была спокойна, как удав в анабиозе, разглядывая магниты на холодильнике. Пока одни собирают магниты тех городов и стран, где они бывали, я собираю магниты тех городов, куда бы я поехала, если бы были деньги.

Опять звонит.

– Ты сегодня такой темпераментный, – язвительно заметила я, поправляя магнит с Эйфелевой башней. – Ты теперь всегда такой, или когда дело касается «совместно нажитого имущества»?

В моем арсенале был еще один ответ из трех букв, за который в детстве мне бы вымыли рот с мылом. Но я берегла его до третьего звонка.

«Брак. Туда и обратно» – вот примерно так стоило бы назвать эту годовалую эпопею. От нашего брака остались рожки да ложки. Рожки, наставленные мне. И набор ложек, подаренных его архищедрой мамой на свадьбу. Задержки мужа на работе обернулись задержкой у его бывшей одноклассницы, которую он узрел пятнадцать лет спустя на встрече выпускников. Раньше она просто туда не ходила, а тут опа! и пришла.

Вспомнив былые чувства, оторванные лямки портфеля,

вырванные волосы и корявые признания в любви, нашкарябанные циркулем на парте, мой на тот момент еще муж погрузился сначала в воспоминания, а потом в пучину страсти. Хотя нет, страсть – это не про него. После того, как его безымянный палец украсило обручальное кольцо, он превратился в ленивца и сроднился с диваном настолько, что уже трудно было понять, где кончается супруг, а где начинается диван. Если вдруг в коридоре раздавались спешные шаги и шорканье, то следом должен был обязательно прозвучать утробный звук смыва. В жизни моего неверного благоверного было всего два развлечения. Одно – культурное и одно – спортивное. Культурным досугом можно считать просмотр любимых фильмов по десятому кругу, спортивным – накопительство алкогольной и безалкогольной жидкости, а потом резкий старт в сторону туалета. И упаси бог, если я там мою руки или купаюсь!

Ни один совет с женских форумов не спас наш брак от неминуемого и вполне предсказуемого конца. Свекровь всегда интересовалась насущным вопросом: «А где внуки?», на что я пожимала плечам и говорила, что голубь ко мне не слетал, поэтому все претензии к нему и к аисту. И мой бывший муж должен каждый день кормить пернатых в благодарность за то, что ему не нужно платить алименты.

Только под конец брака я узнала, что его новая-старая любовь рассталась со своим темпераментным супругом, ибо для нее раз в полгода – это норма! Как там говорится?

От каждого – по возможностям, каждому – по потребностям. Пасьянс сошелся, совет да диван!

Ладно, я что-то отвлеклась. Точнее, меня отвлекли. Сейчас мне нужно, чтобы на меня упал луч света, а завтра на стол редактору легли две статьи.

Я работаю журналистом в самой полезной газете на свете. Чем еще набивать мокрую обувь? На чем потрошить селедку или скумбрию? Что стелить коту в лоток в период острого финансового кризиса? Чем выстилать дно мусорного ведра за неимением пакетов? И это – далеко не исчерпывающий список пользы, которую приносит людям наше печатное издание. Я не говорю про защитное покрытие пола во время ремонта, средство гигиены в походных условиях и универсальный топливный элемент. Попугайчики и морские свинки рекомендуют! Так что если в вашем почтовом ящике случайно оказалась наша газета – не выбрасывайте! В хозяйстве пригодится!

– Думай, Аня, думай! – твердила я себе, расхаживая по кухне и страдая от мук творчества. – Ты уже сто тыщ таких статей написала! Тебе сложно родить еще две? Окунула мордочку в варенье и вперед, восхвалять двух представителей местной сферы услуг!

На столе стоял остывающий чай, а рядом валялась пачка из-под сухариков. Серость за окном напрочь выбивала из колеи, заставляя уныло созерцать подтеки дождя на запотевшем стекле.

Телефон заорал благим матом, высвечивая на экране незнакомый номер.

– Алле! А суки у вас остались? – поинтересовался женский голос. Я ответила, что всех породистых йорков разобрали. Еще бы! Бесплатно! И тут же поставила себе в блокноте вторую палочку.

Это была идея главного редактора. Ей стало интересно, читают ли нашу газету, поэтому в приказном порядке от сотрудников требовалось придумать бесплатное объявление и указать свой номер телефона. Пока кто-то отдавал за шоколадку «славянский шкаф», я раздавала несуществующих йоркширских терьеров. Леша Вездесущий вообще выбрал «Найден кошелек с деньгами! Отдам владельцу!». Мне звонили уже целых два раза. За неделю. Так что два читателя у нас точно есть! Сейчас воодушевлюсь этим фактом и пойду писать! Кстати, хорошая мысль, после трех кружек чая!

Дайте-ка угадаю! В вашем населенном пункте тоже есть местная газета, и называется она... так, не подсказывайте... эм... «Вечерний Волчегонск»? Нет? «Крыжопольская жизнь»? Тоже нет? Ну тогда «Слава Уюпинска». Тоже нет? «Мухосранская правда»? А есть там слова «труд», «передовик», «заря», «город», «вести», «известия»? Нет! Ну тогда я сдаюсь. Считайте, что вам повезло.

Статьи в нашу газету можно писать только под псевдонимом, чтобы легче было смотреть людям в глаза. Я, например, взяла себе псевдоним – Марина Листаева. Мне знакомые

посоветовали. Из лучших побуждений. В противном случае мне пригрозили не здороваться в людных местах.

Помимо меня в редакции работает дедушка Аркадий Спиридонович, который все статьи пишет от руки. Компьютер? Нет, не слышал. Пишет он мелким, убористым почерком про заседания местных советов и прочих органов власти. Опытный журналист. На заседания он не ходит, а просто звонит по телефону и скрипучим голосом требует протокол. «Девушка, Смольный!» Вот и вся работа. Аркадий Спиридонович начинает свои статьи с фразы «...числа, в... состоялось заседание...». И слово в слово переписывает протокол. Последний абзац наш правдоискатель всегда посвящает личному мнению. «Доколе, товарищи, мы будем терпеть это самоуправство!». Этот абзац всегда немилосердно вычеркивается главредом, после чего статья отправляется на «набор», а потом – в печать.

На правах специального корреспондента у нас обосновалась необъятная мадам Раиса Мудрая, которая считает своим долгом копировать из интернета и вставлять народные рецепты, житейские истории и несмешные анекдоты разной степени мохнатости. Сопровождает каждую статью обращение «дорогие мои», что гордо именуется «авторским стилем». «А сейчас, дорогие мои, я расскажу, как от запора поможет обычный огурец. Кстати, огурец – отличное средство от геморроя для мужчин, разглаживает морщины на лице и снимает нервозность у женщин». Однажды я поинтересо-

валась комплексным лечением всех проблем этим волшебным овощем и попросила указать правильную очередность «огурцовых» процедур по принципу «куда сначала его засовывать, и в какую сторону вертеть?», за что была предана анафеме.

Есть в нашей редакции – Леша Вездесущий, который специализируется по чрезвычайным ситуациям. Ни на какие пожары, взрывы бытового газа и аварии он, разумеется, не ездит. Информация поступает к нему астральным путем, причем он умеет преподносить ее так, словно только что вот этими самыми руками вынес котенка из горящего сарая. Леша периодически забывает пароль от «астрала» и требует, чтобы его написали крупными буквами на роутере. За глаза мы его называем «супермен», поскольку в каждой статье он обязательно указывает, какой вклад внес с ликвидацию последствий чрезвычайного происшествия. На авариях он вызывает скорую и гаи, на пожарах спасает домашнюю живность. Почти все его творчество начинается словами: «В этот день ничто не предвещало беды...».

Мне же достается реклама, праздники и мероприятия. Платят скудно, но стаж идет. А пока я стою на бирже копирайтинга, на жизнь мне кое-как хватает. Я мечтаю о том дне, когда в моей трудовой книжке будет стоять отметка, что я три года отработала журналистом. Официально. Как агент ФБР я буду раскрывать свою трудовую перед носом своего нового работодателя, стараясь максимально прикрыть паль-

цем название печатного издания. Есть у меня подозрение, что узнав, где я их заработала, работодатели предпочтут того, кто реально отмотал этот срок от звонка до звонка в местах вполне конкретных.

Редактор нашей газеты – одна бессменная и, кажется, бессмертная мадам, здоровая, как Лошадь Пржевальского, которую поставили на задние копыта и слегка приодели. Главный цензор, заслуженный штандартенфюрер от грамматики, помнящий еще времена, когда писали про «надой», «целину» и «передовиков производства».

Итак, вернемся к моим статьям. Эм... Пиццерия «У Ашота» или Салон Красоты «Ля мур». С чего начать? На счет пиццерии я не знаю, бог отвел, а вот с «Ля мур» мне пришлось познакомиться четыре месяца назад. Спокойно стричься в нем могут только бабушки, потому что им все равно надевать платок на голову. Резюмируя личный опыт, я с уверенностью могу сказать, что лучше всего у них получают две стрижки: «под горшок» и «тифозница». Но я же не могу это написать? Ладно, начнем с пиццерии.

«Съела шо-то у Ашота!» – навязчиво вертелся в голове заголовок. И тут же всплыло слово «дизентерия». Натурально всплыло. Запахло анонсом к гастрономическому триллеру. А если попробовать так? «Съешьте что-то у Ашота!». Уже лучше. Так, что мне тут написали? В программе... чего? «Танцы живота»? Пиццерия, она такая. Я уже писала про кафе «Сюрприз», про пирожочную «Бабушка», про ресто-

ран «Самарканд». Как говорят старожилы: «лучшее место, где ты можешь приятно посидеть в нашем городе – скамеечка». Так что самый надежный способ уложить понравившуюся девушку в кровать – сводить ее в любую местную забегаловку. Опытные Казановы перед культурным походом обязательно заглядывают в аптеку, где на сдачу просят пачку активированного угля. Поэтому фраза, звучащая из уст мачо: «я тут живу недалеко!» всегда вызывает у неопытной дамы проблески надежды и легкий оттенок радости, заставляя ее укорить шаг и согласиться на любые условия во избежание позора.

Мне кто-то звонит. Как же вы мне все дороги!

– Анна! С вами хочет поговорить наш **ГЕНЕРАЛЬНЫЙ** директор! – раздался надменный женский голос. Прямо интонационно выделила, что «генеральный», а ни какой-нибудь там, обычный. Генеральный? О Боже! А я в халате и тапках! Так, где мой галстук и официально-деловой тон?

– Да вы что творите! – раздался такой лай в трубку, что я от неожиданности вскочила со стула, перевернула кружку с чаем, перецепилась за зарядник от ноутбука и прилипла к стенке. – Вы совсем оборзели? После этой чертовой статьи по городу прокатилась волна слухов, что мы ничего не строим! К нам уже шестой клиент приходит, чтобы бабки забрать! Это как называется?

Строительная фирма «Nixera». ООО «Никсера» – это детище двух шабашников Коляна и Серого, которые вдруг ре-

шили работать официально. Не знаю, как на счет Коляна, но на том конце трубки был – Серый, а правильной сказать уже Сергей Владимирович – **ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР**. О как! Сергей Владимирович точно уверен, что солидную контору кириллицей не называют. И какой-нибудь ООО «Недострой» – это банальщина. Чтобы почувствовать себя строительными магнатами до мозга костей, они скачали первый попавшийся стоковый логотип, к которому коряво прилепили свое латинское название.

В предыдущем номере как раз была статейка про эту самую строительную корпорацию из трех человек. Статью писать они мне не доверили, поэтому корпели над ней всем штатом. «Nixera не строит!» – так звучал заголовок. А первый абзац начинался словами: «Мы создаем шедевры!».

– Это был ваш заголовок! – огрызнулась я. – И вообще! Я предлагала вам другой, но вы отказались!

Я скинула вызов, глядя как лужа чая подбирается вплотную к ноутбуку. Я бросилась за салфетками, уронила ложку на пол, наклонилась за ложкой, стукнулась головой об угол стола. Вот так всегда!

Стоит мне хоть немного начать волноваться, как меня начинает преследовать невезенье. Неудачи преследуют меня постоянно, поэтому я даже привыкла к ним и перестала обращать внимание. Если у нормальных людей бутерброд просто шлепается маслом на пол, то у меня между столом и полом есть еще коленка и тапок. Так что там, где все про-

сто вытирают, мне приходится отстирывать. Я снова бросила взгляд на свою стиральную машинку и вздохнула: «Я не отдам тебя никому! Прощу любую твою вину! Протекший шланг и программы сбой. Мы неразлучны отныне с тобой!».

Да что это, в самом деле! Кто еще обо мне не вспомнил? Ну! Даю вам последний шанс позвонить мне или забыть обо мне до утра! Я не шучу! Я отключаю телефон! Все, отключила.

Я села за кухонный стол, развернула к себе ноутбук и уставилась в пустой документ с мигающим курсором. Я провела пятерней по волосам и откинулась на спинку стула, ритмично раскачиваясь. Засада. Ой! Мамочки! Чуть не упала! Слава богу, уцепилась за край стола. Курсор мигал, время тикало, вдохновение взяло отгул. Оно всегда чувствует, когда у меня большие творческие планы на вечер. В этот момент я чувствую себя маньяком, который насилует несчастную музу.

Если душа не лежит к работе, на нее всегда можно положить что-то другое. Чай кончился. Надо бы сходить в магазин. Заодно и проветрюсь. Я натянула штаны, футболку и куртку. Где-то поблизости раздались голоса. Я прислушалась. Да нет, показалось. Я стала искать второй ботинок, а потом обнаружила на подошве прилипшую жвачку. Так! Опять голоса. Мне кажется или...

Через секунду я поняла, что происходит что-то странное. Моя прихожая поплыла. Я дернула головой, а потом увиде-

ла, как вокруг меня все завертелось. Хлоп! Остановилось. Я тут же расчихлила свою подозрительность и стала недоверчиво оглядываться по сторонам. Старые отклеившиеся обои, деревянный пол, несколько картин на стене и какой-то круг под ногами. Но самое интересное, что за пределами круга кто-то был. Я попыталась разогнать рукой туман, но тут же послышался голос.

– О призванный дух! – прокашлялся мужской голос справа, шелестя бумажкой. – Внемли нам! Заклинаем великой силой!

Я озадаченно посмотрела по сторонам. Это мне?

– Я вас внимательно слушаю! – усмехнулась я, не до конца понимая, что происходит.

– Джеральд! Быстрее! Он сейчас сожрет нас! – раздался взволнованный голос. В дверь кто-то усердно ломился. – Может, позвать инквизицию? Или совет магов? Мамочки! Я не хочу умирать! Я слишком молод!

– Томас! Да они нас казнят на месте! – возмутился голос справа. На дверь кто-то явно налегал, что она бедная даже трещала. – А если не казнят, то посадят! Мы же не брали разрешение – не брали! Так что не дергайся, сейчас все будет нормально!

– Нормально? – проскулил левый, пока я пыталась развеять рукой туман. Мои ноги были намертво приклеены к полу. – У нас на полу валяется труп! В дверь ломится твоя научная работа! Мы погибли!

– И это говорит мой научный руководитель! – огрызнулся голос справа. – Заслуженный маг с ученой степенью!

Дверь снова захрустела! У меня было чувство, что в кармане у меня не сто рублей мелочью, а билет на «Титаник». Да что такое! Что происходит?

– Д-д-дух! Скажи нам наше будущее! – произнес взволнованный голос справа. Слушайте, да тут не надо быть гадалкой! За дверью явно кто-то есть. И этот кто-то хочет есть!

А вот теперь не мешало бы определиться, кто я? Александр Сергеевич Пушкин или матюкливый гномик, потому, что я не знаю, как послать в стихах или просто, особо не церемонясь.

– Ждет вас дорога дальняя, – философски заметила я, вслушиваясь, как что-то упорно выносит дверь. – Но не в дом казенный.

– Отлично! – выдохнул с облегчением тот, что справа, – Мы выживем, и нас не посадят! А теперь дух выполняй наши желания! Заклинаю Ардалом. Конвенсур серебур авсендра!

И что? Если это названия успокоительных, то я бы тоже выпила пару капель за компанию. Уж больно мне не нравится шум в соседней комнате.

– Дух! У нас есть три желания! – прокашлялся тот, кто справа.

Я посмотрела на себя, но ни плавников, ни хвоста не увидела. Странно. Из золота на мне была только тоненькая цепочка с кулоном в виде буквы «А». Так что на золотую рыб-

ку я явно не тяну! А на счет трех желаний.... Если до свадьбы у моего бывшего мужа было три желания, которые он озвучивал со страстью в голосе, анонсируя все прелести совместного досуга, то после свадьбы все три желания сводились к «поесть», «попить» и «отстань, тут самое интересное! Сейчас он их всех мочить будет! Да! Сейчас будет самый крутой момент! Натe! Получайте, козлы!»

– Я хочу, чтобы ты уничтожил то, что за дверью, воскресил Анабель, и никто ничего не узнал! Ах да, и чтобы я защитил научную работу! Конвенсур серебур авсендра!

Тут уже четыре желания!

– Заклинаю тебя Ардалом! Конвенсур серебур авсендра! Ты подчиняешься мне, дух! – добавил к вышеперечисленному голос справа. Голос слева поддакнул.

Я хотела открыть рот, как вдруг услышала крики. Что-то огромное, черное метнулось в мою сторону, разрывая завесу тумана. Я сразу же открыла кирпичный завод без регистрации юридического лица. Меня отбросило в сторону, и тут же все стихло.

Я прокашлялась от пыли, приподнялась на руках и увидела, как меркнет круг, нарисованный на полу. Неподалеку от него приходили в себя два незнакомых мне мужика. Рыжий, коротко стриженный, небольшого росточка и длинный, как шпала темноволосый с внушительным шнобелем.

– Томас! Ты живой? – спросил рыжий, откашливаясь и шаря руками по полу.

– Живо-о-Ой! – простонал длинный, вставая и опираясь на стену. Он проморгался, обвел взором комнату и увидел меня.

– Анабель? – спросил он, подслеповато щурясь. – Гляди, как похожа! Дух успел выполнить наши желания! Она снова жива! Нам ничего за это не будет! Джеральд! Ты меня слышишь!

– У меня уши заложило... – простонал рыжий, прикрывая мокрое пятно на штанах. Только пусть не говорит, что случайно разлил чай. Не поверю!

– Он исчез? – спросил длинный, отряхивая свой узорчатый жилет. Раз все стихло, то ответ был очевиден. Да, он исчез. Что-то или кто-то, я просто не в курсе, только что я так понимаю, отправилось в уездный город N, в запертую квартиру, где крушит все, что видит. А я сижу здесь. Отличная рокировка. Да и сон просто замечательный.

Пыль немного осела, и я увидела женское тело, с каштановыми волосами, сжимающее в руках какой-то планшет с бумагами. Неподалеку от ее окровавленных пальцев лежала странного вида ручка. Нижняя часть ручки смахивала на перьевую, а верхняя была прозрачной. Внутри четко был виден какой-то кристалл. Я присмотрелась к писанине, чтобы внести некоторую ясность в этот странный сон.

«... эксперимент. Джеральд Двейн – студент пятого курса, подающий большие надежды. (нарисован какой-то цветочек и ромбик) Томас Линдер – преподаватель (кружочки следу-

ют один за другим, словно кто-то расписывал ручку) и куратор. Тема диссертации (зачеркнуто), создание (снова зачеркнуто) ... зверь подал признаки жиз... Агресси...»

– Ты кто такая? – спросил жердья, подходя ко мне поближе. – Отвечай немедленно!

Хороший вопрос! В свете последних событий – девочка по вызову по кличке «Золотая рыбка».

– А вы кто такие? – недружелюбно спросила я, обувая второй ботинок и завязывая шнурки.

– Нет, это ты отвечай на наш вопрос! Ты – дух Анабель? – спросил рыжий, разглядывая меня, – Хотя нет, она – не дух. Но до чего же похожа! Так, труп надо убрать! Развеем? Или...

– Ты что? С ума сошел! Сейчас сюда инквизиция примчится! Никаких «развеем»! Просто сожжем его и все! Круг надо стереть, чтобы никто не догадался... А что делать с этой я не знаю. Слушай, мне кажется, кто-то постучался в дверь! Живо! Давай все убирать! – занервничал жердь. В его руках появилось ведро с водой и тряпка. Он начал стирать меловой круг.

– Переодевайся! – заорал рыжий, кивая мне на труп. – Переодевайся! Я кому сказал! Сейчас нам всем тут будет плохо! У инквизиции разговор короткий! Быстро! Так, надо вытереть кровь, убрать клетку... Быстрее, чего смотришь! Они уже идут сюда! Соседи наверняка доложили о криках!

Я посмотрела на панику, потом на труп. Ступать на кри-

вую дорожку мародерства мне не хотелось.

– Шевелись! – взмолился жердь, размазывая тряпкой по полу странные символы.

– Верните меня обратно! – потребовала я, глядя на мужскую версию Золушки.

– Не выйдет! – проскулил полотер. – Там теперь Боня!

Боня? Вот эта черная мохнатая тварь со светящимися глазами и оскаленной пастью – Боня? А полное имя Бонифаций? Какая прелесть. Меня чуть не сожрало чудовище неопределенного пола с нежным кошачьим именем Боня! Мне даже на том свете сознаваться было бы стыдно. Если бы другие жмурики меня спросили, как же меня так угораздило, я бы предпочла расписать героическую смерть от падения кирпича на голову.

– И что, Боня сейчас у меня дома? – осведомилась я, все еще не веря своим органам чувств.

– Да. Если дома кто-то есть – соболезную. А если нет, то он исчезнет через эм.. полчаса! – ответил рыжий, осматриваясь по сторонам и сгребая какие-то бумаги.

Я подумала о том, сколько времени понадобится моему бывшему супругу, чтобы доехать до меня, позвякивая в кармане старой связкой ключей. Один замок я поменяла, но разве для него один чахлый замок – это преграда? Я не про мужа. Я про Боню. При мысли о том, что мой экс-благоверный всю нашу совместную жизнь тренировался быстро бегать с полным мочевым пузырем, я чуть не хихикнула. Он

явно готовился к этому дню. Как пафосно говорил его любимый супергерой в конце каждого сезона: «однажды этот день настанет!»

Я вдохнула запах пыли, посмотрела по сторонам. Ничего не изменилось.

– А потом можно вернуться? – спросила я, прищурив глаза. – Ну когда Боня исчезнет?

– Нет... Уже все... Ты остаешься здесь. Закон равноценности. Третий, кажется, параграф. – прокашлялся жердь, собирая на лбу все морщины. – При... эм... перемещении... эм... во временном...

– Позор! Позор! Мой научный руководитель не помнит закон равноценности! – закатил глаза рыжий. – Переодевайся, чего смотришь! Сейчас сюда нагрянет инквизиция! Я кому говорю! Томас! Стащи с журналистки одежду и дай ее этой! Авось никто не заметит!

Да, сон определенно интересный. Мне самой интересно, что будет дальше. Через десять минут мы сидели в пыльной гостиной, оформленной в лучших традициях романов Шарлотты Бронте и Джейн Остин. Я с маленькой кружечкой чая и в длинном синем платье чувствовала себя, если ни Джейн Эйр, то как минимум Элизабет Беннет. Мсье... Мне еще сахара! Хотя нет, я, скорее Алиса на безумном чаепитии. Труп был уничтожен, на столе лежал планшет, ручка и документы на имя некой Анабель Эрланс.

В дверь постучали. Причем не так, как нищие соседи

с просьбой «занять до получки» или отсыпать соли в пустую солонку, а уверенно и судя по звуку ногами.

– Открывайте! – раздался голос откуда-то из коридора. Рыжий и жердь переглянулись. Я увидела, как кадык у жердя ходил туда-сюда, а фарфоровая кружка чуть не расплескала все содержимое на старый, утопанный ковер. В итоге стук раздался снова, что еще сильнее встревожило рыжего. Он пошел открывать, обливаясь потом и почему-то икая.

Через секунду в комнате стояли крепкие ребята в черных мундирах со странными нашивками, в черных плащах с капюшонами. Лица у всех были закрыты черными масками, напоминающими оскаленный череп. Надо будет потом зарисовать это и отправить одному известному модельеру, чтобы он не парился над тем, какую форму придумать железнодорожникам, работникам почты и прочим «форменным сотрудникам». Я прямо представляю, как мирно трясусь в плацкарте на боковушке. Свет уже выключили. И тут ко мне склоняется проводница в черном, с маской смерти на лице и интересуется, не я ли спрашивала, когда будет станция Большие Роголики? А потом не удивляйтесь, почему белье влажное! Санитарная зона? Поздно! Будут и роголики, кренделечки, и даже козинаки. Нет, лучше всего предложить эту форму сотрудникам почты. Захожу я такая с конвертиком на почту, а тут из окошечка «Выдача пенсий, корреспонденции и оплата за коммунальные услуги» на меня смотрит ЭТО. С бейджиком на лацкане: «Мария Ивано-

ва». «Заказным с уведомлением?» – интересуется смерть. – «Опись делать?». Да! Именно последние два слова лучше всего охарактеризуют мое состояние в данный момент! Пенсионерам все равно, они – народ бывалый. Зато очередей будет меньше. Слабонервные сразу сольют и сольются.

– Инквизиция, – представился один из вошедших. – Соседи жаловались на крики. Мы осмотрим дом и побеседуем с вами. Всем оставаться на месте и предъявить документы.

ГЛАВА ВТОРАЯ... если везет, значит, скоро придется платить за проезд

Лучше горькая правда, чем сладкая ложь!
Редактор газеты «Горькая Правда»

Я с явным интересом наблюдала, как инквизиция перерывает бумаги, лежащие на столе, подозрительно вглядываясь в какие-то рисунки и откладывая их в сторону. Почему—то мне казалось, что нас втроем сразу потащат в сторону костра, пробубнят что-то ради приличия и очистки совести, а потом «Абдулла! Поджигай!». Где-то в памяти на кострище жарилась великая героиня Столетней войны. Запахло походной романтикой. Барды-битарды в шапочках-петушках и вязаных свитерах поют вокруг костра свои «трехаккордные» песенки на один мотив, едят тушенку и любуются звездами. Лепота...

– Разрешение от инквизиции? – протянул руку один из инквизиторов, глядя на какой-то листочек с рисунком и пояснениями.

– Так мы... это... это пока что теория... Мы даже не практиковались... – заблеял рыжий, с ужасом глядя на маску и на глаза, которые смотря сквозь прорези. – Мы пока что...

эм... это гипотеза... Ну мы, конечно, будем добиваться разрешения! Если захотим ее ...эм... доказать...

Инквизиция шуршала по всем углам, а мне это напомнило тот день, когда мой супруг собирал вещи. Где-то на том конце города моя свекровь и моя мама без усталости набирали мой номер и твердили мне одно и то же. «Да, изменил! Мне муж всю жизнь изменял! И что? И что с того? Я с ним поговорю!», «Я говорила вам завести ребенка! Дети – укрепляют брак! Чем больше детей, тем лучше!», «Просто у сыночки возвышенная душа поэта! С кем не бывает! Со временем у него это пройдет. Я уверена!», «Нагуляется – вернется! Мой же Витенька возвращался?», «И что теперь о вас подумают! Чуть что – сразу разводится! И года вместе не прожили! Позор!».

Ждать, когда седина посеребрит виски неблаговерного и неблагонадежного, я не собиралась. Терпеть это безобразие до того момента, когда спешные шаги в уборную будут сопровождаться постукиванием палочки, мне тоже как-то не хотелось. Мысль о том, чтобы рожать наперегонки с соседской кошкой, дабы соседи рассказывали друг другу анекдоты о том, что однажды видели меня не беременной, меня угнетала.

Пока мальчик с «возвышенной душой поэта», но загрёбущими руками, прикидывал, во сколько ходок ему удастся вынести все более-менее ценное из квартиры, я молча сидела на диване и играла в «три в ряд». «За холодильником я

еще вернусь, за стиралкой – тоже!» – бубнел он под нос «поэт», сваливая «добычу» в прихожей. С ноутбуком и сумкой, он спустился вниз, чтобы сгрузить все в такси. А когда поднялся, то увидел, что дверь закрыта на засов.

– Как там у нас? Один заход и «баиньки». Так что «и баиньки» отсюда! – ответила я и отключила звонок. Все, что не вынесла «душа поэта», я поставила на место. Правильно, надо было ходить в спортзал, а не отдавать подаренный мною абонемент своему младшему брату.

Инквизиция подошла к делу очень серьезно и обстоятельно. Они тщательно осматривали все стеллажи с книгами, перерывали небрежные стопки записей, нюхали содержимое каждого найденного пузырька и вели протокол.

И тут раздался крик, мол, все сюда! Я вздрогнула. С каждой секундой я понимала, что настолько реалистичным сон быть не может. Но оставалась у меня слабая надежда на то, что сейчас я проснусь в своей кровати от звонка редактора и криков: «Где две статьи? Мне номер в печать отправлять!». Это был бы самый приятный нагоняй в моей жизни!

– Что это за круг? Где разрешение на эксперимент? – спросил один из незваных гостей, показывая пальцем в перчатке на полустертые очертания. Тощий, сглотнул, теребя пуговицу на жилетке. Рыжий тут же начал оправдываться, мол, ничего особенного, это просто – часть научной работы. Он постоянно поправлял ворот рубашки, словно тот его душит, и обливался потом.

– Два мага и один немаг, – произнес кто-то из инквизиции, разглядывая наши документы. — Я хочу побеседовать с немагом. Я так понимаю, что вы – журналист?

– Да! – смело ответила я, ничуть не соврамши. Я, как журналист, больше привыкла брать интервью, чем давать его. Не настолько я знаменитость, чтобы щедро делиться с прессой пикантными фактами своей биографии. И не настолько скандальная, чтобы потом с пеной у рта опровергать их.

– И что вы здесь делаете? – спросил вышедший вперед инквизитор, глядя сначала в документы, а потом на меня.

– Пишу статью, – гордо ответила я, чувствуя, что если это – не сон, то тогда что это? Материалист во мне пожал плечами. – Про... эм... научное открытие... Мне как раз рассказывали о том, что это значит, и какую пользу принесет это открытие... всему человечеству...

– Всему оставшемуся человечеству, – с легкой усмешкой поправил меня инквизитор, пока другие шуршали книгами и проводили тщательный обыск. Он пристально посмотрел на круг. – И почему же соседи пожаловались на женский крик?

Отличный вопрос! Отчего может кричать женщина? Я посмотрела на рыжего, а потом на долговязого. Нет, они явно не те, от которых хочется кричать. Не настолько страшные, чтобы орать от ужаса, но и не настолько привлекательные, чтобы соседи сразу поняли, насколько я познала всю глубину научных открытий.

– От восторга! Это будет такой репортаж! Настоящая сенсация! – задорно ответила я, стараясь не смотреть на собеседника. Уж больно меня смущал его рост и эта черная маска.

– Вы всегда восторгаетесь истошными криками «Помогите!»? – поинтересовался инквизитор. Инквизиция с чувством юмора – это что-то новое. Я представила, как меня с «хиханьками и хаханьками» тащат к костру. А потом с «шутками и прибаутками» поджигают. А сценарий суда надо мной ляжет в основу выступления команды КВН.

– Пока я брала интервью у меня по ноге пробежала вот такая крыса! – я опустила голову, понимая, что нужно как-то оправдать чужие вопли. – А я ужасно боюсь крыс! Не знаю, откуда она взялась, но... фу!

– Вот протокол об административном правонарушении. Штраф оплатить в недельный срок. Три экземпляра, – произнес инквизитор, протягивая каждому из нас предписание. – На каждый день просрочки начисляется пеня. Так что будьте так любезны, оплатить вовремя. Всего хорошего!

Я посмотрела на сумму, пытаюсь понять, это много или мало? Инквизиция уже закрыла за собой дверь с той стороны. Отлично посидели. А кто платить будет? Или каждый сам за себя? Это именно тот случай, когда я настаиваю, чтобы за меня заплатили, потому что к предсмертным крикам и трупу я не имею никакого отношения!

– Сколько тебе впаяли? – задумчиво спросил рыжий, за-

глядывая в бумажку долговязого. – Сто эрлингов! Мне пятьдесят! Ты им не понравился! Ладно, все не так страшно... Получу стипендию – отдам. Могли вообще казнить на месте! Отделались, считай, легким испугом. До сих пор не верится!

О да, вижу, что «легкий испуг» на штанах почти высох. Я смотрела на бумажку с чужим именем, пытаюсь разобрать незнакомый почерк.

– А пять тысяч – это слишком много? – задумчиво спросила я, прикидывая, как выглядят эти самые «эрлинги».

– Сколько? – хором переспросили горе-учитель и горе-ученик, наперебой вырывая у меня бумажку. – Не может быть! Ты смотри внимательней! О, Ардал! Действительно! Пять тысяч! За что?

– Эм... – озадачился горе-руководитель, почесав подбородок. – Я даже не знаю! Пять тысяч! Это же три моих зарплаты в лучшие времена, с учетом премии! Может, они просто ошиблись в количестве нулей?

Я еще раз посмотрела на предписание, подняла брови и задумалась. В такие моменты у меня перед глазами всегда появляется Штирлиц. «Валить надо!» – авторитетно произнес Штирлиц. «Кого?» – с усмешкой поинтересовалась я, осматриваясь по сторонам.

– Я не собираюсь платить никакие штрафы, пени и неустойки! – категорически сообщила я горе-магам. – У меня есть срочная работа... дома! Возвраща... Чего вы на меня так смотрите?

– Невозможно, – вздохнул Томас и покачал головой. – Тебе придется остаться здесь. Я уже объяснял. Слушай, Джеральд! Да это – сенсация! Мы только что... погоди... сейчас я осмыслю... Мы только что доказали недоказуемое, основываясь на законе равноценности! Представляешь? Теория Линдера – Двейна. Во всех учебниках!

– А почему твоя фамилия стоит перед моей? Почему не Двейна – Линдера? – возмутился рыжий. – Это была моя идея вызвать духа! Поэтому я настаиваю, чтобы моя фамилия стояла перед твоей. Только учти, научное открытие такого масштаба нам придется защищать на закрытом заседании в присутствии инквизиции! И есть вероятность, что мы с тобой под дружные аплодисменты отправимся в камеры, где проведем остаток своих дней. Я даже знаю, кто встанет, и будет хлопать громче всех.

– Нет, по-твоему, надо было брать тему «Улучшенное заклинание сохранения брусчатки в первоизданном виде на долгие годы»? А потом каждый день бегать проверять заколдованный участок дороги. Помню, ночью возвращался домой и своими глазами видел, как Клевис скovyривает с обочины два камня, а потом воровато несет на «заколдованный участок». Сразу видно, что у него завтра защита. Так что хочешь порадовать инквизицию – знаешь, про что писать, – заметил Томас, разочарованно глядя на круг. Не видать магическому миру научной сенсации.

Я все еще находилась под впечатлением от штрафа, кото-

рый мне впаяли. Ни за что! Пять тысяч!

– Так, возвращайте меня домой! – потребовала я, размахивая предписанием. – Я ничего оплачивать не собираюсь! Вы меня втянули в это, так что давайте возвращайте! Или платите за меня!

– Так, успокойся! – прокашлялся рыжий. – Мне очень жаль, что так вышло. Тебе придется остаться здесь. Мы... эм.. подумаем, как тебе помочь, но просто, понимаешь... Пять тысяч это – очень много. У нас просто нет таких денег. У меня стипендия всего триста эрлингов. Но ты не волнуйся. Мы попробуем поговорить с канцлером от магии, чтобы он как-то повлиял на ситуацию.

– Канцлер от магии? – переспросила я, закатывая глаза. Я ничего не знаю о мире, куда попала, а со мной разговаривают так, словно я провела лучшие годы своей биографии на этом конце географии.

– Этим миром правят канцлер от магии и канцлер от инквизиции. Ну, как бы тебе объяснить, – занервничал рыжий. – Канцлер от магии представляет интересы тех, кто владеет искусством, а канцлер от инквизиции...

Бедолагу передернуло от одного упоминания.

– ... представляет интересы тех, кто не владеет или не хочет пользоваться искусством. Почему так сложно это объяснить? Томас! Давай, помогай мне! Ты же – преподаватель! – Джеральд дернул своего научного руководителя за рукав.

Томас вышел из состояния унылой фрустрации, и мне

пришлось выслушать заученную лекцию про то, каких бы небывалых достига бы магия, если бы не инквизиция! О сколько чудных открытий, могло бы вдруг свершиться, если бы не «эти гады»! Да, разумеется, не все всегда идет гладко, бывают и ошибки, но каждая ошибка – это опыт, а опыт – это путь к великим свершениям. И пока неофиты бороздят просторы библиотек, а инквизиция внимательно читает и изучает все научные труды, прикидывая на какой срок тянет научное открытие...

Я зевнула, прикидывая, который час? В углу до сих пор мерещился труп некой Анабель Эрланс, чьи документы я сжимала в руках, и чей прах был в срочном порядке развеян по ветру во избежание крупных неприятностей.

– Мы проводим тебя домой! – заметил Томас, поглядывая на часы. Я присмотрелась – два часа дня. Хотя нет, постоите... Десять вечера! Просто здесь часы идут в другую сторону.

– Домой? – возмутилась я, окончательно теряя терпение и глядя на часы «наоборот». – Мой дом в другом мире!

– Анабель Эрланс живет... жила неподалеку. Если через портал, то всего в двух шагах. Она жила одна, – начал Джеральд, пряча глаза. – Мы даже удивились, когда она согласилась прийти сюда. Обычно она не выходит из дома, а тут... Понимаешь, она... ну... со странностями. Ни с кем не общалась, ни с кем не дружила, из дома почти не выходила. Она работала журналистом в «Горькой правде», но в редакции

никогда не появлялась. Ну, она так говорила, когда мы с ней сегодня познакомились.

Рыжий теребил пуговицу, уставившись в пол. Томас сделал вид, что изучает плесень на стене. Я так понимаю, что теперь моя судьба никому не интересна и меня активно пытаются выставить за дверь.

– Понимаешь, чтобы защитить научную работу, нужны статьи, публикации, – продолжал Джеральд, заметно нервничая. – Не только научные. Мы хотели позвать кого-нибудь из «Магического Вестника», но они отказались, ссылаясь на то, что мы – никто и звать нас никак. Разумеется, журналистов из... эм... Томас, как там называется газетенка инквизиции? Ладно, неважно... Мы звать не стали.

У меня есть только вариант. Журнал «Огонек»? Оформляйте подписку на журнал «Огонек» и узнаете первыми, кого завтра сожгут на костре! Анонс сожжений и пыток на неделю! Сто процентов правдивые гороскопы для магов! Кроссворды для магов. Тому, кто прислал в редакцию правильные ответы – костер без очереди!

– Мы решили позвать кого-то из «Горькой правды». Газетка... эм... так себе. И вот в ней работает... работала Анабель. – вздохнул рыжий. – Как-то так. Пойдем, тебе пора домой.

– Я планирую завтра пойти к вашим магам и потребовать, чтобы они вернули меня обратно! – категорически заявила я, глядя на горе-ученых с открытой неприязнью. – Или все

рассказать инквизиции?

– Не вздумай! Тебя или сделают учебным пособием, или упекут за решетку! – покачал головой Томас, отдавая мне мой планшет, ручку и ключи от нового дома, которые Анабель Эрланс оставила на столе. – Мне действительно очень жаль, что так вышло...

– А если я сдам вас с потрохами? – коварно спросила я, чувствуя, как меня начинает колотить нервный озноб. Я уронила ручку, которая закатилась под кресло, наклонилась, чтобы ее нашарить, вытащила, стукнулась лбом о деревянную ручку кресла, выронила планшет, который рассыпался бумагами по всей комнате. В отчаянии я бросилась собирать чужие бумаги, перевернула одноногий столик, откуда скатилась фарфоровая чашечка с недопитым чаем. Все! Мое невезение отомстило по полной.

– Не надо! – заорали хором горе – ученые, глядя на то, как в считанные мгновения неидеальный порядок превращается в творческий бардак. – Мы поможем тебе решить твой вопрос со штрафом, только умоляем, не надо! Просто тогда особо разбираться не будут. И ты тоже пострадаешь!

Мы вышли на улицу. Было у меня такое ощущение, что я смотрю на старинную фотографию. Двухэтажные домики, выкрашенные в желтоватый или персиковый цвет, мостились вдоль проезжей части. Яркие фонари освещали одиноких прохожих и витрины закрытых магазинов. «Магические товары Эрнесто» – гласила надпись на ближайшем. «Са-

мозакипающий чайник – мечта любой хозяйки! Абсолютно безопасен и надежен!» Я, стораю от любопытства, подошла к стеклянной витрине, чтобы взглянуть на это чудо техники. Обычный, пузатый, чем—то похожий на мой старый, только с другой ручкой, блестел начищенным бочком в свете фонаря. На чайнике стояло какое-то клеймо «3/100», а на ручке висел ценник «5 эрлингов».

– А что значит «3/100»? – поинтересовалась я, показывая свои спутникам на это чудо магической техники.

– Три шанса из ста получить серьезное увечье при его использовании! – махнул рукой Джеральд. – Все магические предметы с недавних пор носят такое клеймо.

Отличная пропорция. «100» – для оптимистов, «3» – для пессимистов. Вот и решай, покупать или нет. Аплодирую стоя автору идеи.

– Наш мир держится на магии! – буркнул Томас. – Самоварка, самоуборщик и куча всяких очень полезных вещей были изобретены магами, чтобы облегчить жизнь каждого жителя. Но вместо того, чтобы от нас отвязаться и дать нам спокойно жить и работать, инквизиция принимает тупые законы для «защиты»! Тормозят прогресс!

Пока они обсуждали все прелести «законотворчества», мы миновали три улицы. На улицах было на удивление чисто и ухожено, что для меня, привыкшей созерцать окурки и фантики вдоль дороги, отдирая жвачку и пиная летающий пакет, было вообще дико. «Не сорить! Штраф – 500 эрлин-

гов или сорок часов исправительных работ!» – висела мотивирующая табличка. Я уже занесла руку, чтобы выбросить предписание, а потом прикинула, что лучше не надо. Финансовый кризис и так уже постиг меня в первые минуты моего пребывания в этом гостеприимном мире.

За углом послышался шум, словно там собралась целая толпа людей. Жители окрестных домов высыпали на улицы и выглядывали из окон. В толпе мелькали черные плащи инквизиции.

– Все разойтись! – скомандовал кто-то. – Оцепить место! Тело не трогать до прибытия комиссии.

– Бедный... Наверняка жене нес... – охала какая-то женщина в синем платье, привставая на цыпочки, чтобы лучше разглядеть происшествие. – Счастливая... Ей хоть цветы дарили!

– Нет, ну нормально его так размазало! – обсуждали мужчины в рабочей одежде. – Я как раз вчера говорил, что давненько никого порталом не разрывало! А тут на тебе!

– Безобразие! – скрипела какая-то старушенция, кутаясь в шаль. – Безобразие! Куда власть смотрит!

Мы протиснулись и увидели аккуратненькую верхнюю половинку какого-то усатого приличного одетого мужчины, сжимающего в руках букет цветов.

– Проверить карманы! Оцепить все порталы! – командовал кто-то из инквизиции. – Надо сообщить родным.

– Карманы на другой стороне! Сейчас сообщу, пусть про-

верят документы. – кивнул инквизитор, растворяясь в воздухе, а потом через минуту появляясь с портмоне. – Джей Беркли. Немаг. Сорок три года. Женат. Есть дети.

Рядом со мной стояла какая-то пожилая мадам и что-то усиленно записывала. Я заглянула ей через плечо. «В 10 часов 15 минут между шестой и восьмой секторалью произошел сбой в работе портала. Согласно последним данным правила пользования безопасным порталом были грубейше нарушены. Пострадавший находился в нетрезвом состоянии. Судя по всему, он полз домой после попойки. Смерть наступила мгновенно. Согласно дихолектическому принципу, на котором базируется закон Браунда...»

Дальше я читать не стала, ибо мозг стал закипать. Все мои попытки внять невнятному и объять необъятное успехом не завершились. Есть у меня подозрение, что мадам сейчас успешно защитит кандидатскую.

Рядом с ней стоял мужчина, который тоже что-то усиленно конспектировал. Я просто сгорала от профессионального любопытства. Немолодой журналист с закатанными рукавами, с омерзением смотрел на свою соседку, а потом на мертвое тело.

«В 10 часов 14 минут между восьмой и шестой секторалью произошел несчастный случай! Магический портал, давно прославившийся своей ненадежностью, разорвал добродетельного и законопослушного гражданина, почтенного отца семейства, образцового супруга – немага на две поло-

вины. Смерть была мучительной и долгой, бедняга корчился в муках, но никто не смог ему помочь. Согласно последнему закону «Про магическую безопасность»...

Дальше он еще не придумал. «Районы, порталы, жилые массивы! Я ухожу на тот свет красиво!» – промелькнуло у меня в голове, глядя на букет цветов.

– Не может быть! – охала вдова пострадавшего, которую тут же доставили на место события. – Он должен был быть на работе! У него срочная работа! Что он здесь делает? И почему он с букетом? Ах! Он шел к Амелии! Да я ему этот букет брошу на могилу! Какой подлец! Ну конечно, она молоде...

Пока утешали и успокаивали новоиспеченную вдову, на месте трагедии материализовались какие-то люди. Заполнялся протокол, осматривалось место события. Толпа начала потихоньку расходиться по домам, обсуждая увиденное, и личную жизнь потерпевшего, судя по намекам, далекую от статуса «примерный семьянин». Когда труп убрали, к месту трагедии подлетел какой-то невысокий пузатый мужичок планшетом.

– Опять не успел! Да что такое! – отдышался он, обмахиваясь планшетом. Толстяк стал приставать к очевидцам, но очевидцы отмахивались. Томас и Джеральд беседовали с кем-то из знакомых, громко смеясь и обсуждая произошедшее, поэтому в качестве главного очевидца была выбрана я.

– Вы были здесь? Как вас зовут? – прокашлялся толстяк,

доставая ручку и приготовившись записывать мои слова. Он заглянул в мои бумаги и тут же перевел взгляд на мое лицо.

– Анабель Эрланс? Наконец-то я увидел тебя! Завтра статья должна быть у меня на столе! – обрадовался он, покусывая ручку. – Только, чтобы название было нормальным, а не как у тебя на четыре строчки! Емко, метко и в точку!

– Одна нога здесь, другая – там? – усмехнулась я, понимая, что худшего я и представить себе не могла. Интересно, я должна знать этого человека?

– Отличное название! Остро! Злободневно! Правдиво! Я тебя умоляю, только без твоей магической зауми на три страницы. Я тебе уже писал, что твои статьи никуда не годятся, особенно если в них куча научной информации. Мы – не «Магический Вестник»! Нет смысла расписывать принципы работы портала и переписывать отчет инквизиции! Ты вообще, читала мои письма? Ты должна писать так, словно ты беспристрастный наблюдатель. Мы – «Горькая Правда!», а не «Справедливость и закон»! – прокашлялся толстяк, оглядываясь по сторонам.

Я молча взяла ручку и на коленке изобразила статейку. Я ведь журналист? Мне как два пальца описать.

Одна нога здесь, другая – там!

Джей Беркли разрывался между женой и любовницей. Желудок манил его в сторону дома, откуда пахло ужином и семейным теплом, а сердце тянуло его туда, где его ждут с распростертыми объятиями и страстными поцелу-

ями. В 10 вечера магический портал наконец-то поставил жирную кровавую точку в любовном треугольнике. Половина туловища осталось блюсти верность супруге, другая половина, с зажатыми в руке цветами почти добралась до дома своей возлюбленной. Не каждому удастся выбрать цветы для своих похорон, но г-н Беркли повезло. Нет ничего удивительного, если именно этот букет украсит его скромную могилку.

А.Э.

Я отдала статью редактору, поглядывая на место происхождения. Он пробежал ее глазами и с удивлением посмотрел на меня, любовно прижимая бумажку к груди:

– В утренний выпуск. На главную страницу! – восхитился он. – Анабель! Я беру свои слова обратно! Ведь можешь, когда хочешь! Почему ты раньше так не писала? С этого дня ты – специальный корреспондент! Завтра жду тебя в редакции! А вот, держи! Десять эрлингов за предыдущую статью про самонагревающийся чайник. Только я там половину повычеркивал. Считаю, что почти все. Так что вознаграждение – скромное. За эту статью отдам завтра, когда ты наконец-то появишься в редакции!

В моих руках оказалось десять серебристых монет. На одной стороне была рука, объятая пламенем, на другой стороне – череп. Прямо пиратский дублон. Я вспомнила про штраф в пять тысяч, посмотрела вознаграждение, которое не заслужила. «Ипотека – друг человека!» – улыбнулась приятная девушка из банка и протянула мне билет в один финансовый конец.

– Анабель! – окликнул меня Томас.

Портал не работал, поэтому домой пришлось ковылять пешком. За время путешествия я узнала, что сбежать в другой город или в другую страну у меня не выйдет. А все поче-

му? Потому, что это – единственный уцелевший город после катастрофы столетней давности. Все остальное поглотили воды. Мне долго рассказывали про всякую магическую ерунду, покуда, мы не вышли на какую-то площадь. Дома на улице были один другого краше. Сразу видно, что это – небедный квартал. Портил вид только старый, серый дом, с заколоченными и выбитыми окнами, словно сошедший с хеллоуинских обоев. Ржавая, заросшая калитка была приоткрыта, старый почтовый ящик накренился к земле под тяжестью писем и каких-то квитанций. Я не удивлюсь, если это...

– Твой дом! – произнес рыжий, доставая из нагрудного кармана часы. Мне помахали, оставив меня напротив этого покосившегося монстра, который волею фотошопера – самоучки были вклеен между роскошными особняками.

– Если она пойдет к инквизиции или магам, ее сочтут больной! Даже не дергайся. – услышала я знакомые голоса, которые становились все глуше и глуше по мере удаления.

Я подошла к почтовому ящику, достала какое-то красивое письмо, распечатала его и прочитала: «Сообщаем вам, что ваш дом подлежит сносу за неподобающий внешний вид. У вас есть месяц, чтобы найти (приобрести) новое жилье. С ув. муниципалитет Шестой Секторали». Итак, что мы имеем? Долг в пять тысяч, дом под снос, незнакомый мир и знакомая работа. Вот такая горькая правда. Ах да, еще какие-то квитанции с долгом в восемьдесят тысяч. Анабель Эрланс! Есть у меня подозрение, что ты не особо сопротивлялась,

когда тебя кушало чудовище! Или, как настоящая женщина, сопротивлялась, но только ради приличия.

Я открыла дверь и... обомлела! Передо мной висело призрачное видение! Мама! Старая полупрозрачная бабка, подслеповато щурясь маленькими глазками, кутаясь в прозрачную шаль, смотрела на меня, как Мюллер на Штирлица.

– А ну дыхни! – потребовала бабка, подлетая ко мне почти вплотную.

Я дыхнула. Бабка закачалась.

– Вроде не пила! Значит на свидание ходила? Да? Шлялась с мужиками! Позор! Приличные девушки должны сидеть дома! Не доросла еще до свиданий! Уууу! Глаза бы мои тебя не видели! – взывала прозрачная бабка, сурово сопя.

Я на всякий случай посмотрела, сколько мне лет. Тридцать. Анабель Эрланс было тридцать лет. Бабка тем временем исходила от негодования.

– А ну дыхни еще раз! – потребовала бабка, пока я пыталась нашарить ручку двери. – Да как тебе не стыдно! Ты еще прощения попросить у меня должна за то, что сказала мне перед тем, как сбежать через окно! Бессовестная! Гулящая! Никуда тебя больше не отпущу! Ты меня слышишь! Дома будешь сидеть в своей комнате! Ишь ты, взяла моду, гулять без разрешения! Да еще и с мужиками, которые тебя спаивают!

Простите, что это сейчас было? Я попыталась открыть дверь, но дверь была наглухо закрыта.

– Марш в комнату! – приказала бабка, показывая рукой

на старую лестницу.

Я поднялась наверх, толкнула первую попавшуюся дверь и увидела, что это – уборная. Оглянувшись по сторонам, я с наслаждением присела на старый, но чистый клозет, чувствуя, что если бы меня все-таки решили сжечь на костре, то внезапно отсыревший хворост пришлось бы поджигать повторно. Я потянула руку к бумажке, как вдруг из стены появилась бабка, приводя меня в ужас.

– Ты с улицы пришла! – заорал призрак. – Руки не мыла, а уже в туалет побежала! А ну быстро иди мой руки! И чтоб это было в последний раз!

Дверь по соседству вела в ванную. Бедненько, но чистенько. Я повернула латунный кран и из крана потекла горячая вода. О да, сейчас бы искупаться. Я заткнула дырку деревянной пробкой, которая на лежала полочке, посмотрела на какие-то пузырьки. Вода постепенно набиралась, пока я нетерпеливо снимала с себя чужое платье, бросая его на пол. Полотенце есть, мыло есть, какая-то ерунда типа шампуня есть. Отлично.

Я вылила какой-то флакон в воду, и она покраснела и покрылась обильной пеной. Раздевшись, я нырнула в ванну и закрыла глаза. Внезапно я почувствовала, как вся вода уходит, оставляя меня в мыльной пене. Я осмотрелась по сторонам и увидела призрачную бабку, которая сжимает в прозрачной руке пробку.

– Ты что себе удумала, Анабель! Воду надо экономить!

Бери тазик и мойся! Только дорогое мыло не бери! Бери дешевое!

Я посмотрела на старый таз и обмылок на веревочке.

– Ишь ты! Думаешь, бабушка не видит? Бабушка все знает! И куньку мой с мылом! Три раза! А что это у тебя за штаны такие? – бабка подняла с пола мои трусы, – Срамота! Позор! Так вот что ты от меня прятала! Точно. На свидание ходила! Все! Я тебя больше никуда не пущу! Будешь сидеть дома! Целее будешь! Нет покоя мне! Вырастила гулящую! Раненько тебя на мужчин потянуло!

Я стояла вся в мыльной пене и смотрела на себя в зеркало. Анабель Эрланс! Если раньше мне было тебя искренне жаль, то сейчас я за тебя искренне рада! Отмучилась, бедная. Я смыла с себя пену и завернулась в полотенце.

– Через десять минут ужинать! Вымой руки с мылом! Три раза! – приказала бабка, появляясь из стены. – Тщательно мой, между пальцами тоже! Показывай, как ты руки моешь! А то знаю я. Повозюкала мылом, а потом водичкой сполоснула! А потом полотенце грязное! И под ногтями мой!

Я посмотрела на бабку и произнесла:

– Я – не Анабель. Анабель сегодня погибла... Меня просто...

– Что ты врешь мне! Я что? Совсем слепая? А ну живо мой руки! Иначе спать будешь без ужина! Да куда ж ты так воду открываешь! Помаленьку! – возмутилась бабка, прикрывая кран до тех пор, пока из него не стала сочиться струй-

ка, похожая на ниточку.

Я минут пять смывала мыльную пену, а потом просто вытерла руки об полотенце.

– И кто босыми ногами по холодному полу разгуливает! – не унимался призрак. Мои нервы и так были на пределе,. Я повернулась к бабке и сказала:

– Пошла вон! Не трогай меня! Отстань от меня! Я – не Анабель! Ясно? Меня зовут Анна, и я – из другого мира!

Бабка посмотрела на меня, подслеповато щурясь, а потом выдала:

– И рот с мылом вымой! Три раза! Ишь, чего удумала! Родной бабушке грубить!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ... чем больше удовольствия приносит работа, тем меньше за нее платят!

Комната Анабель была очень скромной. Когда я говорила знакомым, что хочу уйти в монастырь, я имела в виду только шаолинский, а не в традиционный. Там я собиралась обучиться единоборствам, а потом вернуться и каждому, кто меня хоть раз обидел, продемонстрировать бросок воинственного тушканчика, боевую стойку сурриката и технику разъяренной землеройки. Просто с моим ростом метр пятьдесят четыре даже стиль тигра будет выглядеть, как пантомима к мультфильму «Кто сказал «мяу»?

Кровать, задвинутая в угол, книжная полка с потертыми переплетами, небольшой столик, шкаф с одеждой и бельем, скрипучий стул – вот, собственно, и весь интерьер. Старые обои, которые слезали со стены, как кожа с отдыхающих на курорте, небольшое открытое настежь окно, и альбом на столе. Я открыла первую страницу и увидела очень красивый рисунок. Он и она. Девушка была прорисована детально. Мне показалось, что это – автопортрет. Ее возлюбленный тоже был очень детализирован. По возрасту он приятно застрял где-то между: «я люблю тебя, первая встречная богиня!» и «вчера был у доктора, доктор сказал, что седину

на висках еще можно закрасить, а вот чтобы извлечь беса из ребра понадобится операция». Я листнула альбом и снова увидела знакомые черты лица. Надо отдать должное художнице, поскольку картинки были действительно очень реалистичными. Я нетерпеливо перелистнула страницу, но остальные листы были вырваны. Жаль.

От такого симпатичного «идеала», я бы и сама не отказалась. Что уж тут говорить! Чтобы отогнать приятное навязание, я в таких случаях сразу представляю, как «идеал» шоркает тапками по полу и скрупулёзно вылавливает из борща капусту, терпеливо развешивая ее по ободку тарелки, как новогоднюю гирлянду. А все потому, что у него с детства «плоскостопия» для армии, а в журнале двадцатилетней давности «Не до жиру были бы живы!», который прорабатывала его мама, была огромная заметка о вреде белокочанной капусты для «плоскостопиков». А теперь представим, как он просвечивает большим пальцем сквозь дырку в любимых носках, любуясь тем, как круто и сексуально выглядит вся эта картина с учетом вьетнамок. Эти носки потом всю ночь стоят в почетном карауле вдоль стеночки возле кровати, источая аромат давненько почившего кота. Все попытки отобрать их и бросить в стирку заканчивались скандалом, ибо «любимые» и «я их почти ни разу не носил!».

А вот «идеал» забивает гвоздь с мучительными криками: «Ой, мля! Неси аптечку! Истекаю кровью!», а ты стоишь рядом с молотком, гвоздями всех размеров, с плоскогубцами,

йодом и бинтами, которых хватит, чтобы спасти от кровопотери целый батальон. «Подержи гвоздь!», «Поддай плоскогубцы!», «Подержи молоток!», «Подержи меня!», «Посмотри, ровно или нет?». Не попустило? Странно! А если попробовать так?

У меня рабочая температура – тридцать восемь. То есть я, закинувшись таблетками, вполне могу стирать, готовить, убирать, ходить на работу. Но стоит его потной подмышке нагреть термометр до тридцати семи, как во всех углах ему начинает мерещиться костлявая. И вот уже почившие родственники протягивают к нему свои окоченевшие руки. А если – тридцать восемь, то утка под кроватью, теплый чай с лимоном каждые пятнадцать минут, таблеточки и компресс на лбу. А я просто обязана стоять со скорбным взглядом у изголовья его ложа, готовая в любой момент вызвать санавиацию и реанимобиль. И чтобы во взгляде читалось: «На кого ты меня покидаешь, родимый!». А потом звонит его мама и начинает знакомить мои уши с итальянской кухней, рассказывая, что вязаные носки с горчицей – лучшее средство от поноса, красный перец лечит от геморроя за одно вкручивание, а все таблетки – химия одна и нечего травить ею «сыночку»! И если я последую ее советам, то завтра он будет «как огурчик»! Ага, зеленый, холодный, молчаливый, с пупырышками.

Все! Тьфу-тьфу-тьфу! Попустило.

Это на картинках они – красавцы-мужчины, а в жизни...

Ладно, не будем высмеивать мечты тридцатилетней, незамужней, покойной, я так понимаю, еще девушки, незнакомой с волшебным словом «бытовуха». «Ты еще мужских носков не нюхала!» – с презрением скажет любая разведёнка наивной новобрачной, питающей иллюзии относительно предстоящей семейной жизни. «Носки любимого не пахнут!» – заметит счастливая невеста, с обожанием глядя на будущего мужа. И в чем-то будет права. Мужские носки – это детектор семейной жизни. Когда вонь от носков становится невыносимой – пора снимать обручальное кольцо!

На стене висела карта. Я сорвала листок и внимательно рассмотрела очертания местности. Весь город напоминал часы. Двенадцать делений, двенадцать районов, которые, здесь почему-то называют секторали. Где-то в самом центре, откуда берут начало стрелки, размещается какое-то внушительное здание, судя по всему правительственное.

Я молча залезла под одеяло, опустила голову на чужую подушку и закрыла глаза.

– А ну быстро руки убрала из-под одеяла! Я кому сказала! – раздался суровый голос, выглянувшей из стены бабки. – Приличные девушки никогда не засовывают руки под одеяло!

– А приличные бабушки, – с тяжелым вздохом заметила я, – мечтают о правнуках.

– Приличные девушки выходят замуж не целованными! – проскрипела бабка, поправляя призрачную шаль на своих

сгорбленных плечах, накинутую поверх старой ночной сорочки.

– А потом разводятся потому, что муж целоваться не умеет! – огрызнулась я, закатывая глаза.

– Приличная девушка никогда не разведется с мужем! – возразила бабка. – Приличная девушка выходит замуж один раз и навсегда.

Самочка богомола только подавилась головой своего очередного. Мы с ней переглянулись. Ее взгляд меня успокоил. Для кого-то «раз», а для кого-то «навсегда».

– А как они знакомятся со своим «раз и навсегда»? – ехидно спросила я.

– Твой дедушка проходил мимо и увидел меня в окне! После этого он зашел в дом и попросил моих родителей моей руки! – гордо ответила бабка, явно вспоминая свою давно ушедшую молодость и давно прошедшую жизнь.

Отлично! Так мы и сделаем! Представьте себе облезлый фасад, дырявую крышу и меня, нечесаную, в одной белой ночной рубашке, стоящую возле окна, положив руку на треснутое стекло. Где ты, мой благоверный и не слабонервный? Я что? Зря стою на сквозняке, изображая призрак дома на холме? «Женись на мне!» – inferнальным голосом шепчу я симпатичным прохожим. Я не знаю, есть ли здесь подобие скорой помощи, но чувствую, что дорогу к моему дому реанимационная бригада будет знать наизусть. А особо симпатичным я буду улыбаться, как фотографу на паспорт. Думаю,

чтобы привлечь внимание нужно издавать какие-то звуки, например, взять в руки нож и нежно водить им по стеклу...

– Что-то очередь женихов не стоит, – съязвила я, поглядывая на треснутый потолок и поскрипывая кроватью.

– Молодая еще о женихах думать! – отрезала бабка, недовольно сопя и глядя на меня.

«Ты ж как в песне у цыган, э-э-эх, молодая!». Господи, если я помню такие песни, то мне точно пора искать работу, с которой меня торжественно проводят на пенсию. Еще немного, еще чуть-чуть и на пороге появится какой-нибудь дедушка, который придет просить не мою руку, а валидол под язык. Да... «Любовь настигла их как инфаркт миокарда, подкравшись незаметно, как старческое слабоумие!»

– Все, дай мне поспать! – отмахнулась я, закрываясь подушкой. Бабка вроде бы отстала.

Я проснулась от вопроса: «Ты – девственница?». Однажды я просыпалась от такого вопроса, правда, его задавал не скрипучий, как несмазанная телега голос бабки. Я почему-то уверена, что ситуация на этом фронте за ночь не изменится, поэтому вполне логично отложить чистосердечное признание хотя бы до рассвета.

– Это обязательно выяснять сейчас? – угрюмо поинтересовалась я, откашливаясь и проводя рукой по спутанным волосам, пытаясь отогнать от себя обрывки сумбурного сновидения.

– Я вот хожу, мучаюсь. А вдруг ты – не девушка уже? –

подозрительно заметил призрака. – Вдруг ты уже опозорила семью? И теперь по городу сплетни ходят, что Анабель Эрланс – гулящая? Запятнала честь семьи! Добропорядочность – вот залог успешного замужества! Как говорила моя матушка, если девушка скромна и добропорядочна, то...

– Бабка, – протянула я, глядя на нее, – хочешь свежий повод для стопроцентного инфаркта? Через месяц дом снесут. Долгов у нас на почти сто тысяч этих, как его... эрлингов! Так что «девичья честь» тебя должна волновать в последнюю очередь!

Еще неделя таких ночных допросов и на предложение «пойдем ко мне, посмотрим рыбок, а утром я сделаю тебе кофе в постель», будет воспринято мною с явным интересом. «Я медленно взбиваю подушку, расправляю простынку на мягком матрасе, а потом с наслаждением закутываю тебя в одеяло и оставляю в покое на сутки!» – вот что должен сказать мне мой идеальный мужчина, перед тем, как задернуть шторы и выключить свет. А если он даст мне возможность принять ванну, я буду смотреть на него, как на божество.

– Значит, будем еще сильнее экономить! – категорично постановила бабка.

– Смывать раз в неделю в туалете? – сардонически усмехнулась я, уткнувшись лицом в подушку.

– А мы как смываем? – возмутился призрак, раскачиваясь надо мной. – Чего ты отворачиваешься? Поговори с бабушкой! Бабушке не спится!

Я накрылась одеялом с головой и сделала вид, что сдохла. Я постаралась представить себя Тутанхамоном, скрестив руки на груди. Потом поняла, что неудобно и вытянула их по швам. Теперь я – Ленин. Через минуту я свернулась в позу «мама, роди меня обратно!», накрыв голову подушкой. Бабка все не унималась, рассказывая, как и на чем мы должны экономить. Идея о том, что можно больше зарабатывать, ее призрачную голову не посещала. Потом я выслушала лекцию о целомудрии... Да ей надо гастролировать вместе с социальными службами по школам! Потом все плавно перетекло в инструкцию для новобрачной и вечер воспоминаний.

–вот выйдешь замуж, приласкает тебя супруг. Ты смотри не вздумай ему отвечать на ласки, чтобы он не подумал, что ты – развратница! Лежать нужно ровно. Глаза должны быть закрыты. Можешь смотреть в потолок, но ни в коем случае не на мужа. И ни вздумай шевелиться. А не то подумает, что ты уже с кем-то была. Утром он должен убедиться, что он у тебя первый, – поучала бабка, нависая надо мной. – Никогда не смотри, как муж раздевается. И никогда не пускай его в постель к себе чаще раза в месяц. Иначе подумает, что ты – сладострастница. Спать супруги должны отдельно. В разных комнатах. Когда супруг будет проситься к тебе – не пускай! Пускать его нужно до того момента, пока не родятся дети...

Я представила, как лежу трупиком со стеклянными глазами. Руки – по швам. Стойкий оловянный солдатик готов

к труду и обороне. А по мне как таракан ползает дятел – муж, утоляя свою пернатую страсть. Чувствую, что прикола ради, я бы еще язык вывалила и глаза закатила. Есть вероятность, что в один прекрасный день его ждет приятный сюрприз. Еще бы! Уснуть дятлом на бревне, а проснуться заслуженным некрофилом. Отлично! Мертвая бабка – птичка – мозгоклюйка, муж – дятел-некрофил, а я – страус. Да за полчаса тишины я готова продать дьяволу душу и тушу. Торгуем, если что!

Бабка бубнила, а я уже не вникала в тонкости идеальной «семейной» жизни. Я вызверилась на нее пару раз, за что получила свежую порцию нравоучений. Обидчивостью бабка не страдала, поэтому самозабвенно продолжила меня поучать.

Черт! Такое чувство, будто спишь со включенным ноутбуком. Ненавижу спать под мерцание экрана и предсмертные вопли разной степени продолжительности. А бывший без ноутбука уснуть не мог. Я просыпалась в три часа ночи от того, что на экране кто-то кого-то жрал под душераздирающую музыку или кто-то от кого-то отстреливался. «Беги! Я тебя прикрою!» – орал истошный голос в разгар перестрелки. А потом такой «Быдыщь!». «Стреляй! Стреляй!» – подначивал кто-то на экране, а я прикидывала, где бы разжиться пистолетом. Одного патрона мне вполне хватит. Я же в упор? – Зачем ты выключила? – раздавалось сонное бормотание. – Я смотрю... И громкость добавь. Ничего не слышно!

Перемотай на то место, где чувак в белом говорит чуваку с автоматом...

Я накрывалась одеялом с головой, закрывала голову подушкой, вставляла в уши заглушки и думала о том, что в случае, если нервы не выдержат, буду просить судью, чтобы меня определили в одиночную камеру. Матрасная тишина в матросской тишине. Никакие скандалы, никакие ультиматумы, никакие уговоры не спасали ситуацию. Однокомнатная квартира, а что вы хотели?

Теперь я понимаю, к чему меня готовила жизнь. Я сосредоточилась и уснула. Была у меня надежда, что я проснусь дома под задорный будильник, но вместо будильника прозвучал знакомый скрипучий голос бабки.

– Вставай, лежебока! Завтрак на столе! – заявила бабка, появляясь из стены. Я тут же представила, как вся семья ожидала ее безвременной кончины, а потом склонилась над гробом, не скрывая слез радости, а тут из стены раздается скрипучее: «Не дождетесь!»

Я открыла шкаф, выпустив целую стаю моли, и решила изучить гардероб. Темно-синее платье, черное платье, темно – серое платье, темно-зеленое платье и коричневое платье. Все! А что вы хотели? Какая жизнь, такой и гардероб. Я вытащила коричневое платье, влезла в него и посмотрела в треснувшее зеркало, откусывая торчащую из растрепанного манжета нитку. Платье застегивалось под горло и подметало пол. Я выдвинула нижнюю челюсть вперед,

собрала волосы на манер старинной прически институтки. «Джейн, Джейн Эйр!» – поздоровалась я со своим отражением, вспоминая старый фильм. Потом я померяла черное платье. «Скарлетт О’Хара! Кто еще хочет, чтобы я стала его вдовой?» – я попыталась стервозно изогнуть бровь. В итоге я остановила свой выбор на черном платье, потому, что на темно – зеленом была проеденная дыра, а на сером не хватало пуговиц. На черном, кстати, тоже была дыра на груди, но поменьше. Недолго думая, я отколола потускневшую брошку с невзрачным камнем с коричневого платья и приколола ее на манер значка, чтобы хоть как-то прикрыть дырку. «Пионер! Шагает по планете!».

Я спустилась вниз и увидела тарелку с какой-то зловонной юшкой.

– Супчик! – гордо представила бабка свой кулинарный шедевр. – Позавчерашний. Прокис немного, но ничего! Чего кривишься? Все полезно, что в рот полезло! А ну быстро садись за стол! Руки мыла?

– Так! – возмутилась я, – Где нормальные продукты?

– Они же еще не испортились! А ну положила на место свежий хлеб! Ешь тот, который зачерствел! – заорала бабка, – Ишь ты! Как начнут портиться, так и приготовим! Марш мыть руки!

– Сейчас помою, – кротко заметила я, давясь хлебом, спешно поднимаясь наверх, возвращаясь в свою комнату и хватая со стола планшет и ручку. Я молча сгребла мелочь,

полученную вчера и сбежала по ступенькам вниз.

– Куда намылилась? – спросил призрак, уперев руки в боки, преграждая мне дорогу.

– На работу! – отрезала я, криво усмехаясь. – Деньги зарабатывать!

– Надо меньше тратить! Приличные девушки не работают! – возмутилась бабка. – Позоришь семью! Я не работала! Мать твоя не работала! Знаю я, чем девушки зарабатывают на жизнь!

Я пошла напролом, как танк, пытаюсь открыть дверь.

– Не пушу! Сиди дома – целее будешь! – верещала бабка. Я прошла сквозь нее, покрутила ручку и поняла, что заперто. Так, не надо из меня делать цепную собачку, единственным развлечением для которой являются пилюли разной степени болючести.

Я поднялась в «свою» комнату, открыла окно под душе-раздирающие вопли бабки, встала на карниз и пошла вдоль него, цепляясь руками за старые доски. С крыши я перелезла на сухое дерево, где благополучно порвала юбку. Подойдя к почтовому ящику, я перерыла все письма, чтобы узнать адрес редакции. Вот! Нашла. Отлично. Седьмая сектораль. Ладно, попробую сориентироваться на местности. План был прост. Я работаю, как Папа Карло, зарабатываю деньги, снимаю комнату. Пока я снимаю комнату – ищу экзорциста. Может, объявление дать в газету?

А пока что я просто хочу поесть, как чайка. Да что там, как

чайка? Как прожорливый, наглый и злобный баклан. Остановившись у первого попавшегося магазинчика, я зашла и купила какой-то пирожок, который тут же съела, запивая предложенным чаем. Мой кошелек полегчал на три эрлинга, зато желудок блаженно заурчал. Счастье в жизни есть! Желательно вкусно и регулярно!

Прилавок с газетами на углу меня удивил. «Горькая правда» почти закончилась, зато осталось две почти нетронутых стопки сладкой лжи. Вчерашнее происшествие обсуждали все, кому не лень, смакуя детали и одобрительно отзываясь об авторе статьи, который не постеснялся рассказать правду. Краем уха я слышала новые подробности личной жизни погибшего, узнав так же адреса «заведений», посещаемых им с периодичностью раз в неделю за счет семейного бюджета.

Редакцию я нашла быстро. Наверное, потому, что рядом с ней раздавались крики. Возле красивой вывески «Горькая правда» собралась целая траурная процессия. Не хватало только гроба и оркестра, а так все были в сборе.

– Где этот А.Э.? – орали они, пиная дверь. – Где этот А.Э.? Говорите сейчас же! Так оклеветать почтенного человека! Примерного семьянина! Да как у него язык повернулся?

Больше всех орала вдова покойного, размахивая газетой:
– Да как он посмел! Бессовестный журналюга! Мы напишем жалобу инквизиции, и вас прикроют! Да сжечь вас на костре надо за такие статейки!

Когда тебя в порядке коллективной вендетты разыскивают, выкрикивая ругательства, сразу захотелось прикинуться шлангом и залечь на дно. Я стояла в сторонке, делая вид, что изучаю витрину с одеждой, которая мне была явно не по карману, внимательно следя за отражением на стекле.

Толпа поорала и отправилась дальше оплакивать усопшего, а я подошла к двери, воровато оглянувшись и тихонько постучала. Через секунду дверь открылась, и появилось пухлое и отдутловатое лицо главного редактора.

– Анабель! – обрадовался он, оглядываясь по сторонам. – Проходи! Тут как раз приходили по поводу твоей статьи! Так, сколько я тебе за нее должен? Двадцать эрлингов! Проходи, только быстро!

Я прошмыгнула в маленькую каморку, где был стул, стол и стопка свежего выпуска, с главной страницы которой на меня смотрела моя писанина.

– У нас тут недавно беда случилась, – вздохнул главред, протягивая мне деньги. – Погиб специальный корреспондент. Так что, как я уже говорил, ты теперь у нас – главный журналист! И пока что – единственный.

– А как, простите, погиб? – поинтересовалась я, разглядывая потертые обои и кучу бумаг на столе.

– Дом ночью подожгли. Виновных так и не нашли. Но я не думаю, что это как-то связано с той статьей про неудачный магический эксперимент. Второй журналист у нас на больничном. Его позавчера избили неизвестные. Он себя чув-

ствуует намного лучше. Хотя писать репортажи одной рукой, думаю, он не согласится. Ну и бегать на одной ноге он тоже, вряд ли, сможет. Я уверен, что это никак не связано с его профессиональной деятельностью! – утешил меня редактор. – Ты готова приступить к работе? Нам нужны горячие сенсации и жареные факты!

А обугленный журналист вам не нужен? Нет? Мне костер категорически противопоказан районным терапевтом. Точно так же, как и лежачий режим с ножом в спине на холодной брусчатке в темном переулке.

После такого начала, я повертела в руках свой «пионерский значок», понимая, что пока «пионеры всегда готовы», честные журналисты мрут, как мухи. Интересно, а можно накладывать проклятия по инициалам? Это я просто так интересуюсь. Из врожденной мнительности и мстительности. Пессимист тут же потребовал узнать, будет ли редакция оплачивать мои похороны в случае чего, и насколько торжественными они будут. То, что на них соберется весь город, я не сомневаюсь. Главное, чтобы гроб был водонепроницаемым, потому что плевать на мою могилу будут до тех пор, пока во рту не пересохнет.

Зато оптимист радостно потер руки. «Аня! Ты всегда мечтала стать известным журналистом! Писать правду без купюр! Это тебе не репортаж про рекордный надой парнокопытных, включая быка, в деревне Муркина Жопа. И не хвалебная статья про топорный завод в славном городе Кукуе-

во, выпускающего много лет подряд нетонущую продукцию! Давай, соглашайся!»

Реалист – побирушка молча протянул ладошку. «Господа! Я не ел три дня! И не спал неделю!» – простонал он, жалобно заглядывая в глаза прохожим.

– Хорошо, – вздохнула я, перебирая в руках деньги. – Я согласна.

– Значит так! Оплата за каждую заметку. Сегодня я краем уха слышал, что в полдень на первой секторали будет презентация нового приспособления для стрижки, а в шесть вечера пройдет внеочередное заседание канцлеров. Повестка дня не разглашается, но ты должна быть там обязательно. Твои статьи пойдут в завтрашний выпуск! Вперед!

– А можно разместить объявление? – спросила я. – Мне требуются услуги того, кто может изгнать привидение!

– Конечно! – обрадовался редактор, записывая мой адрес, который я подсмотрела на письме. – С тебя три эрлинга! У нас как раз между некрологами есть местечко. Усопшие к усопшим! Вот, держи сегодняшней номер! И твое удостоверение. Без него на заседание тебя не пустят!

До первой секторали я добралась пешком. Магический портал меня, если честно, очень смутил. На путешествие ушло два часа. Я стала искать нужный дом, где проходит презентация «чудо-техники». Узнать его было несложно. Вокруг него толпился народ. Даже из соседней парикмахерской прибежали все, кому не лень, чтобы посмотреть на изобре-

тение. Протиснувшись среди желающих убедиться своими глазами, до чего дошел прогресс, я увидела семью. Он, она и трое разновозрастных и разнополых детей. То, что это – семья у меня не возникло сомнений, поскольку у них у всех была одна стрижка под «бобика» разной степени лишайности и плешивости. На столике стоял черный ящик, на который «изобретатель» взирал с любовью и обожанием, супруга с надеждой, а дети с ужасом.

– Итак! Дамы и господа! Я – Винсент Вангот рад представить вам новое изобретение! «Стрижка на дому!» – взволнованным голосом произнес изобретатель, показывая на черный ящик и почесывая частично отрезанное ухо. – С ним вы забудете о цирюльнях, сэкономите уйму эрлинггов, и всегда будете выглядеть отлично! Смею заметить, что изобретение уже прошло испытание, поэтому абсолютно безопасно!

В углу стоял корреспондент «Справедливость и закон», зато журналистки «Магического Вестника» я пока не наблюдаю.

– Мне нужен желающий, чтобы я продемонстрировал возможности моего изобретения! – изобретатель обвел взглядом толпу, которая начала подозревать, что в отсутствие левого уха у всей семьи виновата явно не генетика.

– Не бойтесь! В нем нет никакой магии! Чистая механика! – подбодрил «Пьер Безухов», вставляя в черный ящик ручку, похожую на ту, которой заводили старый драндулет. – Кто хочет бесплатную стрижку? Вот вы! Молодой человек!

Не бойтесь, подходите! Бесплатно!

Все провожали бедно одетого «добровольца», как на фронт, сгорая от любопытства. А вот и журналист «Магического вестника», с гаденькой улыбочкой строчит статейку на коленке, спрятавшись за спинами зрителей.

Ящик водрузили на голову испыталю, а изобретатель стал вращать ручку, как шарманщик. Внезапно ручку заклинило. Из коробочки раздались крики боли. Все затаили дыхание, предчувствуя худшее. По лбу изобретателя скатилась блестящая капля пота. Он попытался повернуть еще раз ручку, но тщетно. Он стал вертеть ее в другую сторону. Через пять минут на нас смотрел брутальный ежик с поцарапанным ухом, рассерженно сопя, глядя в зеркало. Кое-где еще оставались длинные волосы, да так, что Горлум влюбленно заметил: «моя прелес-с-сть!».

– И сколько будет стоить это чудо техники? – поинтересовалась я, подняв руку.

– Пятьсот эрлингов! – гордо заметил изобретатель, вытряхивая остатки волос из ящика. – Если покрутить рычажок можно изменить длину стрижки.

Разочарованная толпа начала расходится. Я быстро написала задорную заметку под заголовком «Дорого и очень больно», которая начиналась словами «Ах, какая невезуха, если вдруг состригло ухо!».

Довольная собой, я села на ближайшую скамейку читать газету, в которой работаю. «Сдаю комнату приличной

семье НЕМАГОВ! Оплата – 500 эрлингов в месяц! Восьмая сектораль». «Пожилая женщина сдаст комнату НЕМАГУ за 600 эрлингов». «Сдам комнату МАГУ. 400 эрлингов. НЕМАГАМ просьба не беспокоить! Есть обширная научная библиотека и лаборатория!»

Да, с такими заработками, как у меня мне светит только: «Шарик, подвинься!». Неподалеку от меня пресловутый бродячий песик изображал рок-гитариста, щедро делаясь с миром блохами, намекая мне на пока что единственный доступный для меня вариант решения жилищного вопроса.

На первой странице, кроме моей заметки, была вполне нейтральная статья про почтовый ящик, который отгрызает руку по локоть тем, кто любит воровать чужие письма, а чуть ниже была едкая и гаденькая статейка про ужасные дороги пятой секторали, под названием «Куда смотрит Магистрат пятой секторали? Уж явно не под ноги!».

Я снова открыла газету и погрузилась в чтение статьи о том, как некий маг из высшего эшелона умудрился во время аттестации отправить на тот свет пять человек по одной путевке «все включено». За это он тут же был арестован инквизицией, и теперь решается его судьба. Была заметка про цены в некоторых магазинах, вполне хвалебная статья про «кружку, которая не позволяет чаю остывать». На третьей странице располагалась статья о том, что «инквизиция» по ошибке арестовала какого-то гражданина по подозрению в хранении незаконных артефактов, а потом слегка извини-

лась, вручая труп родственникам. Была небольшая, но гневная записка в адрес какого-то целителя из Второй секторали, который прилаживая оторванные пальцы какого-то гражданина на место, случайно перепутал их местами. Так что у бедняги теперь две руки – правые. Целитель, у которого в срочном порядке взяли короткое интервью, ошибку не признает, заявляя, что так оно и было!

Время приближалось к восьми... Тьфу ты, никак не привыкну. К четырем! Мне еще надо успеть на заседание. Я свернула газету, отряхнула платье и двинулась в сторону возвышающегося здания правительства. Правительственный квартал был чист, как после субботника, на который вывели все школы района.

Меня дотошно обыскивали на входе, не смотря на то, что я тыкала в лицо каждому свое новое удостоверение. За эти двадцать минут, пока меня обыскивали и осматривали, с меня не сняли разве что флюорографию и не взяли мазок на флору.

В итоге проверяющие смилостивились и пропустили меня в гулкий холл, ведущий в сторону огромного круглого зала, откуда раздавались возмущенные голоса.

Зрителей было немного. Маги были уже в сборе. Их предводитель, молодой темноволосый маг переговаривался с кем-то из своего окружения, бросая гневные взгляды на пустое кресло по ту сторону круглого стола. Он единственный, кто сидел, остальные стояли сусликами вокруг него в по-

четном карауле. Неподдалеку от основной группы поддержки разместилась изнывающая журналистка «Магического вестника», нетерпеливо, покусывая ручку. Часы, висящие в воздухе, показывали без пяти минут шесть.

– Да как он посмел! – кипятился какой-то престарелый мужчина в дорогом сюртуке, закатывая глаза. – Мой сын ни в чем не виноват! Я требую, чтобы его выпустили из тюрьмы! Я не собираюсь стоять в стороне! Учтите! Если вы, многоуважаемый канцлер, сейчас же не примите меры по освобождению моего сына, то я покину свой пост ректора Академии! Это возмутительно!

Черноволосый кивал, сплетая пальцы и нетерпеливо постукивая ногой в черном сапоге.

– Вам не кажется, что они слишком многое себе позволяют! – возмущался старик, поглядывая на часы. – Наказание явно не заслуженное! Я требую справедливости! Мы собрали всей Академией подписи на то, чтобы взять Марко на поруки. Да, во время аттестации произошел несчастный случай, но это не повод упекать моего мальчишка за решетку на пять лет! Пять лет! Я согласен на домашний арест, но никак не на пятилетнее заключение! Канцлер! Я требую справедливости! Пусть наказание будет символическим.

Кто-то из магов достал стопку бумаги и положил на стол.

– Это все жалобы на инквизицию за неделю! – отрапортовал маг, поправляя съезжающую стопку. Да, нормально им прищемили волшебную палочку. Хотя, за пять трупов

отделаться символическим нагоняем, дружеским «а-та-та» и «простите, пожалуйста, я больше не буду!», тоже не вариант. А вдруг парнишка войдет во вкус, с каждым днем облегчая жизнь работникам переписи населения? Я очевидцем данного инцидента не была, но инквизиция, на мой взгляд, была очень доброй, гуманной и, не побоюсь этого слова, нежной, по отношению к представителю местной золотой молодежи, взявшему на себя великую миссию по борьбе с возможным перенаселением.

Большая стрелка подошла к двенадцати, дверь открылась и вошла черная процессия. Она встала полумесяцем. Кресло, я так понимаю канцлера от инквизиции, пустовало. Дверь снова открылась, и в сопровождении охраны вошел... тот, кого я видела в альбоме Анабель и кому сегодня утром мысленно примерила дырявые носки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

... мужчина, который светит, не греет. Мужчина, который греет, не светит!

– Какой дурак это написал? Где вы вычитали такой бред?

*– Вы, уважаемый профессор. Страница номер...
(Разговор преподавателя с пока еще студентом)*

Я смотрю, как в гулкой тишине инквизитор идет к своему месту. Не бойким шагом сачкующего марафонца – опоздуну, и не походкой терминатора, с обрезом наперевес, а твердым, уверенным и спокойным начальственным шагом, будучи сто процентов уверен – без него не начнут. По саванне шел лев, поглядывая в сторону антилоп и прикидывая, кого бы отбить от стада и сожрать под акацией в знойный африканский полдень. На героя не моего романа был черный редингот, украшенный сверкающими драгоценными пуговицами, тонкая серебряная цепочка с небольшим украшением, черные штаны и сапоги. Одет он был скромно, по сравнению с оппонентами, которые из-за обилия всяких драгоценностей напоминали цыганский табор.

Я несведуща в магических нюансах, но смею предполо-

жить, что у каждого уважающего себя мага высшего эшелона должно быть как минимум три амулета на все случаи жизни. От порчи, от сглаза и прочей заразы. Особо продвинутые имели на шее штук восемь – десять висюлек. «Лучше висюлька на шее, чем в штанах!» – свидетельствовал красноречивый взгляд какого-то сгорбленного под весом медальонов и амулетов старца бороздящего взглядом бывалого оболыстителя декольте всех дам из магической делегации. Такое чувство, что они собрались «мочить» высоколелевельного босса. Причем одна половина будет его отвлекать, а другая – с криками подкрадываться с тыла.

Честно, если бы не рисунки в альбоме Анабель, я бы так пристально не приглядывалась к канцлеру от инквизиции. А теперь мне самой стало интересно, почему именно он? Объект девичьих грез не был ни сверкающим блондином со слащавой и приторной, как леденец, внешностью сказочного принца, ни жгучим брюнетом – роковым красавцем с легким привкусом неземной страсти, жарких комплиментов и мадеры. Такой типаж рекламирует в глянцевых журналах дорогие часы, машины, портмоне и туалетную воду для тех, кто сидит и думает, куда бы еще потратить пару миллиончиков. Нет, конечно, я не ожидала увидеть довольную ухмылку под трехдневной щетиной, прическу «пальцы – лучшая расческа» и подмышки в ореоле мокрых пятен пота. Я скорее настроилась на облезлого фанатика – невротика с запавшими от бессонных ночей глазами, теребящего закладки

в книгах «Как быстро и болезненно отправить на тот свет еретиков», «Изошренные пытки для начинающих» и «Пособие для организатора крестовых походов. Том второй. Возьмите лучших из худших!».

Я бы дала ему эм... лет под сорок. Тридцать восемь... Тридцать девять... А он, судя по взгляду, дал бы мне лет пять. Не условно. Волосы у героя не моего романа были длинные русые, слегка посеребренные сединой на висках. Красивый профиль с прямым ровным носом вызывал у меня эстетическое наслаждение. Извините, но для меня мужской нос – это важная деталь. Не люблю расквашенные «картошечки», задорные «трамплинчики», «кнопочки с веснушками» и «клювы» разной степени выпирания. Не смотря на вполне приятные внешние данные, я прекрасно понимала, что вкусы у нас с Анабель очень разные.

Почему-то все сразу притихли. Черт, мне даже самой стало интересно, что дальше будет. С чего это суррикаты замерли в тревожном ожидании?

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался низким голосом инквизитор в абсолютной тишине, присаживаясь в кресло и откидываясь на спинку. Судя по лицам магов, в программе сегодняшнего вечера слово «добрый» отсутствовало.

– Что это значит? – встал из-за стола канцлер от магии, нахмутив черные брови и нарушая гробовую тишину. – Арест сына ректора Академии? Это беспрецедентный случай! Мы недовольны работой инквизиции!

Маг скрестил руки на груди, недовольно смерил взглядом невозмутимого оппонента.

– Увы, вы абсолютно правы. Трупов маловато. Может, потому, что сегодня середина недели? – приятно улыбнулся инквизитор. Когда он улыбался на щеках, появлялись ямочки. – У меня к вам вопрос. Когда вы дадите мне диплом Академии? Я многого не прошу, но буду очень признателен.

Маги посмотрели на него так, словно он только что с ноги выбил дверь в туалет, где они дружно заседали со спущенными штанами, вспоминая незлым тихим словом того, кто забыл купить рулон бумаги. Инквизитор наклонился вперед, складывая руки в замок.

– У меня действительно складывается впечатление, что вы даете дипломы даже тем, кто случайно проходил мимо, – вкрадчиво заметил он, снова приятно улыбаясь. – Просто я сегодня как раз проходил мимо главного входа. Надеюсь, это – повод получить диплом о высшем магическом образовании? И что-то натолкнуло меня на мысль о том, что если я зайду внутрь, то сразу же получу звание профессора магической теории со всеми регалиями и пожизненную пенсию за особые заслуги перед наукой. Но я – человек скромный, поэтому диплома с отличием мне будет достаточно.

– Нет! Ну это уже слишком! – заорал отец «передовика трупопроизводства» и ректор Академии по совместительству. – Да как вы смеете! Да на каком основании вы утверждаете, что мы раздаем дипломы кому попало?

Многие маги были возмущены до глубины души, оскорблены в лучших чувствах, задеты за живое, поэтому промолчать не смогли, обрушившись лавиной на провокатора. Тот невозмутимо сидел и... вы не поверите!... складывал кораблик из какого-то листочка, взятого откуда-то из середины стопки претензий. Инквизиция позади него молчала. Сам герой тем временем осторожно загибал листик, подгонял уголок к уголку, а потом рукой разравнивал его, любуясь своей работой.

Если честно, то я немного с ним согласна, поскольку своим появлением в этом мире я обязана двум магам. Дипломированным, между прочим, специалистам. «Когда твой учитель – двоечник!» – звучало бы в начале трейлера к фильму – комедии про этих двух ученых.

Истерика продолжалась минут пятнадцать. За это время было вылито столько грязи в адрес инквизиции, что я бы на их месте уже давно бы подала голос, но эти были абсолютно спокойны. Некое подобие кораблика был сделано и любовно разглажено.

– Я подожду, когда вы научитесь говорить спокойно и по одному. Только в этом случае я готов продолжить диалог. Ладно, так и быть. Подожду, когда вы охрипнете, – со вздохом заметил инквизитор, поднимая глаза на магов и скользя взглядом по всем присутствующим, включая меня.

У меня плохо складывается диван и личная жизнь, а вот с впечатлением, как ни странно, все в порядке. Теперь я

понимаю, почему Анабель избрала его для безответных душевных терзаний, с легким оттенком морального мазохизма от волшебного слова «не судьба». У ее зазнобы были светло – карие, янтарные глаза, а взгляд был какой-то томно-отрешенный, холодный и... бр.... жестокий. Таким взглядом можно укладывать наивных девушек штабелями, заносить пачками на страницы автобиографии, а потом равномерно и густо размазывать их слезы по мемуарам. Это автоматически ставило крест на моем интересе к данному субъекту, ибо – «не моё». Тонуть я предпочитаю исключительно в голубых глазах. Про остальной цветовой спектр я молчу.

– Нет! Это возмутительно! За ваши слова об Академии вам придется ответить! – отец заключенного подошел к инквизитору, испепеляя его взглядом. – Вы читали мое обращение про домашний арест? Мой сын не заслуживает такого сурового наказания!

– Потому, что Марко – сын ректора Академии? – не глядя заметил канцлер от инквизиции. – Он и так под домашним арестом, потому что на пять ближайших лет тюрьма станет для него новым домом. Пять лет в камере он будет учить теорию. Я что-то не помню, чтобы заклинание расширения пространства предусматривало жертвоприношение. Но я уточню. Мало ли. Вдруг я ошибаюсь?

– Да как вы смеете! – покраснел старик – отец, сжимая кулаки. Он даже вздрагивал от негодования. Его уже оттаскивали обратно в табор.

– Смею. Очень даже смею, – спокойно заметил инквизитор, вставая с места. Тут же в воздухе зависло что-то наподобие доски. Он молча достал очки в серебристой оправе, надел их и взял светящийся мел. На доске стали появляться какие-то аккуратные формулы и какие-то круги. Я точно пришла на заседание, а не на лекцию? Нет, ну был у нас на журфаке препод по кличке «инквизитор», которому каждый сдавал по три-четыре раза перед тем, как целовать зачетку с тройкой, но это как-то, по меньшей мере, странно. Я смотрела на все происходящее и искренне недоумевала. Что-то мне казалось, что он громко скажет: «Ересь! Сжечь всех еретиков! Магия – это зло», а тут...

«Неправильные пчелы делают неправильный мед!» – прозвучал в голове голос Винни Пуха. Длинные формулы нас, гуманитариев, сильно огорчали, а опилки в голове противно скрипели, пытаясь приблизительно уловить хотя бы общий смысл написанного и нарисованного. «Точка, точка, запятая – вышла формула кривая!» – пропел в голове задорный голосок. Я свято верю в то, что существует восьмой круг ада для гуманитариев, где целыми днями преподают математику, физику и прочие точные науки. «Нет! Нет! Я вас умоляю! Только не это!» – надрывно кричу я, привязанная к стулу в камере пыток инквизиции. – «Я все скажу! Во всем сознаюсь! Только не высшая математика!».

Маги смотрели на доску и рассерженно сопели. Было такое чувство, что он им «фигвам» нарисовал угольком на печ-

ке и какашку в бандерольке отправил. С уведомлением о реакции получателя.

Когда инквизитор закончил рисование формул и кругов, охрана протянула ему кружевной платочек, об который он вытер руки.

– Я сильно не расписывал. Обрисовал доказательство в общих чертах. Если вы сейчас спросите меня что это, я сожгу вас всех на костре вместе со всеми вашими монографиями, научными трудами и книгами. Судя по количеству воды в ваших опусах, гореть будет плохо, но я что-нибудь придумаю, – с интеллигентной улыбкой заметил инквизитор, снимая очки и пробегая глазами решение. Ему не очень понравился круг, поэтому он пальцем подтер хвостик у какого-то символа. – Когда вы на меня так смотрите, у меня появляется желание поднять любого из вас и задать ему пару вопросов по общей теории. И пусть он только попробует ошибиться. Так что я жду диплом с отличием, отписанный на мое имя по специальности «Магическая теория». Прямо как у вашего сына, ректор.

– У вас ошибка! – возмутился какой-то маг, поглядывая на притихших сопартийцев. – Нельзя в формулу Гордона подставлять произвольные значения! Это даст недопустимую погрешность!

– Да вы что? – с усмешкой поднял брови инквизитор, изумленно глядя на доску. – Неужели?

Он сделал жест, подзывая кого-то из своих. Охранник на-

клонился к нему, а потом кивнул. Интересно, мага здесь сожгут или потащат куда-нибудь? Через пять секунд в руках у инквизитора лежала толстая книга.

– Узнаете? – поинтересовался он, демонстрируя обложку всем присутствующим. Вот сейчас у мага было такое выражение лица, как будто он заказал интимные товары в интернете, а потом пришел получать в единственном почтовом отделении городка. Стоит очередь с квитанциями и письмами, человек сорок, а тут из-за окошка: «– Лю-ю-юсь! Ты не помнишь, куда мы дели посылку с мазью для увеличения хрена на пятнадцать сантиметров за два дня и ректальный стимулятор для простаты? Что значит ректальный? Как будто ты не знаешь! Ну тот который в... Глянь на складе! Тут за ней... (она громко зачитывает фамилию, имя и отчество), пришел!» Очередь начинает коварно посматривать на страдальца, сжимающего в руках паспорт. «Лю-ю-юсь! Не видишь? Ему срочно надо! Ладно, сейчас сама схожу, гляну!». Очередь с ненавистью смотрит на бедолагу, а он осознает, что если в подсобке будут копать еще минут двадцать, то увеличивать будет больше нечего.

– Триста восьмая страница. Второй абзац. Могу назвать номер предложения, если вы не помните свой собственный научный труд! – с усмешкой произнес инквизитор, швыряя книгу на стол. – Итак, меняю сына ректора на автора этого учебника. Он будет пять лет делать работу над ошибками.

«Профессиональный игрок на нервах» – промелькнуло

у меня в голове, – «С разрядом по интеллектуальному троллингу».

– А пока вы прикидываете, с кем готовы попроситься на пять лет, мы переходим к общим вопросам. Ремонт брусчатки... – критику передали в руки какие-то бумаги.

Маги его даже не дослушали, с ненавистью глядя в холодные глаза главного героя сегодняшнего заседания.

– Я не стану подписывать документы на ремонт брусчатки! Из принципа! – скривился канцлер от магии и покачал головой. – Ни один уважающий себя маг не ходит пешком!

– Ну тогда вам придется телепортироваться домой чаще. Потому, что второй вопрос, который я хотел поднять, ремонт канализации под Академией. Вычеркиваем, – вздохнул канцлер от инквизиции, делая пометки в листочке. – Третий вопрос по поводу выделения средств на стипендии одаренным магам я тоже вычеркиваю. Не заслужили. Премии, надбавки преподавателям я тоже убираю. Заседание окончено. Спасибо, за внимание. Ах, да!

Он наклонился, взял первую попавшуюся жалобу, перевернул ее и что-то написал, а потом поднял ее вверх, демонстрируя всем магам какую-то огромную загогулину.

– Да как вы смеете обзывать нас невеждами! – вспылил канцлер от магии.

– Это я не вам, уважаемый канцлер! Вижу по лицам, что зрение у ваших подчиненных хорошее. Лучше, чем я предполагал. Значит, мою подпись они тоже увидели. Мне пока-

залось, что вы забыли, как она выглядит, когда проводите тайные научные эксперименты, – холодно заметил инквизитор, швыряя листок в общую кучу.

– Вы, немаги, пользуетесь результатами нашей работы каждый день! Весь мир построен на магии и держится на ней. И при этом вы, немаги, считаете, что вправе критиковать научные открытия. Да! Ошибки есть! Без них прогресс невозможен! Признаем, что не всегда все идет правильно, но... критиковать легче, чем создавать! – канцлер от магии встал, ударил рукой по столу, с ненавистью глядя на оппонента. – Вместо того, чтобы критиковать, предлагайте, канцлер от инквизиции! Предложите что-то свое! Вы, немаги, ни на что не способны! И вместо того, чтобы благодарить нас за то, что мы для вас делаем, вы ведете себя так, словно весь мир вам обязан!

– Весь оставшийся мир, – уточнил инквизитор. Он захватил с собой все бумаги, кроме «кораблика», который демонстративно бросил на стол. Герой сегодняшнего заседания вежливо попрощался и вышел в сопровождении охраны. «Я – не Пушкин. Я – Белинский!» – усмехнулась я, провожая его взглядом.

Маги поорали и разошлись. Зал опустел, а я осмелела и подошла к круглому столу, раздражаемая журналистским любопытством. На столе лежал кораблик. Я взяла его и увидела знакомую фамилию прямо на треугольной палубе «Двейн». Я развернула кораблик и прочитала: «Претензия

к канцлеру от инквизиции от Томаса Линдера и Джеральда Двейна по поводу административного правонарушения и выписанных штрафов. Просим разъяснить, на каком основании были выписаны штрафы в размере 100 эрл. – Томасу Линдеру, 50 эрл. – Джеральду Двейну, и 5000 эрл. – Анабель Эрланс...»

Меня только что укатали в асфальт и сделали поверх моего трупа аккуратную разметку. Но зато я получила ответ сразу от двух высших инстанций. Отрицательный результат – тоже результат. Спасибо, что избавили меня от ложных иллюзий. Это ж надо было вытащить именно просьбу, которая касается непосредственно меня! Прямо по закону подлости! Окончание поисков справедливости в высших инстанциях, чудесным образом совпало с горячим желанием порадовать главного редактора.

Я взяла кораблик, положила его в карман, посмотрела на часы и отправилась вынашивать план мести. Если бы не оригами, то я бы, возможно, написала про заседание подругому. Но в данный момент, здравствуйте, стройные ряды «любителей инквизиции», я иду к вам! Не надо цветов и оркестра. Принимайте меня с распростертыми объятиями! А поскольку в минуты зла и огорченья, желудок требует печенья, я сидела и грызла какую-то приторную, не совсем свежую кондитерку, купленную в ближайшем магазине. «О Боже, какой мужчина, сейчас огребет, скотина!» – промелькнул в голове альбом Анабель. По моим губам поползла га-

денькая журналистская улыбка. Я на тебе немного заработаю, уважаемый. И потом с этих же денег погашу штраф, который ты и твои ребята мне выписали. «Зарплата – мой компас земной, а надбавка – награда за сме-е-елость! Статейки довольной одной, чтоб завтра толпа расшуме-е-елась!»

Сидя на лавочке под светом одинокого магического фонаря, я смотрела на кораблик, лежащий рядом со мной, запасалась ядом, а потом щедрой рукой рассыпалась в эпитетах, делая наброски. Ну и что, что я не знаю их имен? Для хорошего журналиста это – сущий пустяк. Я написала первый вариант статьи, прочитала и порвала. Нет, слишком просто. Я посидела, померзла, подумала, а потом меня осенило. Да! Я даже несколько раз любовно перечитала название. «Бумажные амбиции главы инквизиции!»

«Двухчасовое заседание „ни о чем“ прошло, как и было запланировано „впустую“. А вы что ожидали? Думали, что будут решаться архиважные проблемы города? Не будьте так наивны! Пока ситуация у магов складывалась не в пользу сына ректора Академии, у инквизиции все складывалось отлично. Уголок к уголку. Наугад выбранная жалоба из стопки на глазах превращалась в бумажный кораблик. Зря маги упрекают инквизицию в том, что они ничего не могут делать своими руками! Могут! И глава инквизиции это доказал прямо на заседании, продемонстрировав всем присутствующим готовую поделку, которую при желании может собрать каждый ребенок! Ловкость рук и никакой ответственности!

Но не будем обижать канцлера от инквизиции. На счет „любого ребенка“ я погорячилась. Это искусство оттачивается и шлифуется годами и передается из поколения в поколение в семьях потомственных „бумагосгибателей“. Кораблик, между прочим, получился отличный! Просто замечательный! Так что если хотите порадовать инквизицию – несите свою жалобу в виде бумажной фигурки. Возможно, именно так она сможет заинтересовать канцлера, хотя бы схемой сборки. Не удивляйтесь, если он быстро отреагирует на вашу жалобу, с требованием показать, как это правильно собирается. А.Э.»

Я перечитала свое творение, взглянула на кораблик и поняла, что эта статья тянет на уголовную. Правда, на какую, я еще не в курсе, но скоро узнаю! Если я хочу заработать, то придется идти до конца. Но ведь я же ничего не придумывала? В этой статье нет ни капли лжи или клеветы. Я даже похвалила человека за столь неожиданный талант. Око за око, зуб за зуб, статья за статью. Справедливо? Справедливо! На улице уже стемнело, поэтому я поспешила в редакцию, где меня погладили по головке за «отличный репортаж». Деньги обещали завтра, поэтому я с корабликом поплыла домой, минуя порталы.

Когда я ввалилась в дом, на меня тут же налетела бабка, с явным желанием высверлить мне мозг своими нравоучениями. Вот она медленно распутывает извилины на моем правом полушарии своей лекцией на тему моего облика-морале.

А теперь пришла очередь левого полушария. И вот она уже доклевала меня до мозжечка.

Когда я вытиралась старым полотенцем, поглядывая на свое замученное отражение в треснувшем и почерневшем от времени зеркале, позади меня раздался скрипучий голос. Угадайте, в каком ухе у меня жужжит? Ха! Не угадали. У меня жужжит в обоих ушах!

– А ну-ка! Повернись! – подозрительно произнес призрак, а потом ахнул, всплеснув руками. – Ты что? Беременна, что ли? И правда, беременна! Безотцовщина! Позор для семьи! Недоглядела! Вот одна девушка понесла ребенка невесть от кого, а потом пошла и утопилась!

Я молча стояла и смотрела, как бабка летает по комнате и расписывает мне горькую судьбинушку местной матери – одиночки. «Это телевидение, да? Это отдел „жизнь привидений“? Да? Да. Вы знаете, у меня тут живет одно привидение. Приезжайте срочно. Я хочу о нем поведать миру!»

Я взяла платье, засунула руку в карман и обомлела. Денег не было! Весь мой гонорар куда-то исчез. Причем, я точно знаю, что он там был еще пять минут назад.

– Где деньги? – сурово спросила я у бабки, кутаясь в полотенце.

– Маленькая еще деньги иметь! Бабушка взяла деньги и отложила на «черный день»! – заявил призрак. – Нечего «тренькать» направо и налево! А то «растренькаешь» все на побрякушки! Вот одна девица получила наследство, рас-

тренькала его направо и налево, а потом пошла в служанки и умерла в нищете на чердаке.

Аура ненависти, источаемая мной, вполне могла отпугивать не только потенциальных навязчивых ухажеров, но и голодных волков в зимнем лесу. Наверняка, глядя в мои озверевшие глаза, медведь-шатун, случайно проходивший мимо, решил пошататься в другом месте, от греха подальше.

Я уже и так панталонами чувствую, что хэппи-энда не будет.

Пока я валялась в кровати, с завистью вспоминая все фильмы ужасов, где привидения гонялись с топорами, душили и мучили несчастных, пока еще живых обитателей дома, но при этом не выносили мозг и не шарили по карманам, бабка склоняла меня по всем падежам. Через час у меня начало складываться впечатление, что именно из-за меня плачет девушка в автомате, громко рыдает малолетняя Таня, глядя на уплывающий вниз по течению мячик, стонет бедный Мишка, которому малолетние изверги оторвали лапу. В мутном полусне я кричала инквизиции: «Умоляю! Не надо! Я прошу вас! Да вы просто – звери! Вы не имеете права!», когда меня выводили из одиночной камеры на свободу. Я провожала взглядом старую подушку и шептала: «Я еще вернусь!». О, да! Я буду журналистом-рецидивистом! Вышел, написал, в тюрьму!

– Это все потому, что тебя в детстве жалели! Будет тебе урок! Детей надо воспитывать в строгости! Чтобы толк

из них вышел! – скрипела над ухом бабка, которой по вполне понятным причинам не спалось. – Пороть их надо два раза в день. Один раз – за дело. Найдется за какое. А второй раз в качестве напоминания. Чтобы старших уважали.

Я сразу представила картину. Сижу я в гостях с супругом, а потом глядя на часы, произношу: «Простите, мы, наверное, пойдем. У нас дети не пороты!» Спасибо, дорогие мама-папа, за наше счастливое детство.

– Розги всегда должны висеть на видном месте... – продолжала свою лекцию бабка. – Вот одни родители не повесили розги на видном месте, вырос их сынок вором и убил своих родителей ради денег. А потом и его убили его дружки!

У призрака, как и у любой бабушки, всегда найдется история, где кто-то умер. Мой личный призрак пессимизма смерил мрачным взглядом пожилого призрака кретинизма, в надежде, что завтра появится тот, кто ветками, палками, бубном, криками, воплями, плясками в набедренной повязке обеспечит покой. Вечный – бабке, ночной – мне.

Боже мой, почему она не может выйти из дома? Есть же столько мест, куда можно сходить! Лавочка у подъезда, больница, государственное учреждение! Сходила бы куда-нибудь, развеялась... Да, именно. Развеялась!

ГЛАВА ПЯТАЯ. ... если ты делаешь деньги из воздуха, всегда найдется тот, кто перекроет кислород

*Если «внучек» вдруг сказал
Бабушке «отстань!»
Значит внучек – наркоман,
Дебошир и пьянь!
(Правда-правда!)*

Моя жизнь напоминала унылый сериал, темпы съемок которого уже приближаются к прямому эфиру. Бедные актеры в очередном сезоне уже ползают на коленях за алчным режиссером, умоляя его дать возможность сходить в туалет, нормально поспать и покушать, но опытный «сериальщик» отказывается в сто пятьсот первый раз убивать любимого героя даже на пять минут экранного времени, чтобы не вызвать бурю негодования. Поскольку название сериала еще слабо ассоциируется с «фу!», а каждый герой умирал каких-то жалких пять – шесть раз с последующим чудесным воскрешением, режиссер, посасывая очередной палец, понимает, что нужно ковать, пока куется, потому что скоро оно никому не будет нужно на Куй железо, пока горячо.

Это я к чему? Если еще пару дней назад пределом моих мечтаний была Пулитцеровская премия и новая куртка взамен протертой старой, то сейчас я мечтаю просто нормально поспать и поесть. Копеечные заработки даже при самых приблизительных подсчетах и тотальной экономии не могли погасить скромный штраф за чужое нескромное поведение. Пока я мысленно округляла числа, обводя взглядом собственные заросшие владения, мои глаза округлились при виде почтового ящика.

Из облезлого почтового ящика выглядывал... журавлик. Я не знаю, почему его называют «журавликом», ибо больше всего он смахивает на птеродактиля, некогда бороздившего небеса юрского периода. И теперь этот хищный птиц смотрел на меня, затаившись среди писем, и предвещал ровно столько радости, сколько испытывали ученые в фильмах про игривых динозавриков после крика: «Они выбрались! Спасайся, кто может! А-а-а!».

Я оглянулась по сторонам, выгатила птеродактиля, развернула его и увидела только одну фразу, написанную очень красивым и аккуратным почерком: «Не мешало бы извиниться». А где же избитое «привет! Как дила? Че делаешь? Может погуляем? У миня пивасик есть! Гоу ко мне! Я тебе покажу сваи аригами!».

Боюсь, что меня сильно смутит, если на свидание он придет не один, а с «друзьями».

«Не мешаю. Спасибо, что потратили на меня пять минут своего драгоценного времени. Птичка получилась симпатич-

ной! Но кораблик из жалобы на незаконный штраф мне понравился гораздо больше. Всего хорошего! А.Э.»

Теперь надо оформить ответ, как следует. Обычно, когда я мечтаю что-то скрутить, получается «кукиш», но на этот раз по закону подлости получился пароход, чью палубу украсили реквизиты адресата. Я даже не представляю, как пострадает тонкая душевная организация получателя, увидев мое чудо. Моему собеседнику придется напрячь всю свою фантазию, чтобы понять, что это за штука. Я, если честно, сама любила делать из бумаги всякую ерунду, чтобы отвлечься от мигающего курсора и обдумать всю статью целиком. А еще я любила рисовать в блокноте, но у меня получалось только то, что имеет усы. А именно родственники Буденного, котэ разной степени упитанности и аппетитная клубничка.

– Дремлет притихший новый мой город, низкое небо над головой. Лови, инквизитор, крейсер «Аврору» – промурлыкала я, любуясь своей неаккуратной поделкой, а потом подняла голову. – Ой!

Я заметила, как между домами мечется со знакомой газетой в руках молодой человек. Он миновал красивый дворец с красной крышей, где явно живут местные царьки, дошел до соседского особняка – цитадели с двухметровым забором. Не хватало колючей проволоки и надписи «Режимный объект», чтобы ходить мимо на полусогнутых, трепеща перед величием владельца.

– Простите, вы не знаете, у кого здесь живет привиде-

ние? – растерянно поинтересовался парнишка, шурша газетой и снова изучая фасады. Я посмотрела на парходик. «Жил отважный капитан, он объездил много стран, и не раз он бороздил океан!» Капитан Очевидность посмотрел на меня с прищуром: «Где эта улица? Где этот дом? Где этот призрак для сдачи в дурдом?». «Понятия не имею! Даже приблизительно не представляю!» – пожалала я плечами браво-му Капитану, глядя на то, как выделяется мой дом среди респектабельной соседской недвижимости. Роскошный особняк из белого кирпича по соседству, нависающий над моей развалюхой, куда лучше подходил под описание. Мы тут же поспешили на помощь незадачливому экзорцисту, который заломил такую цену, что я уже прикидывала, под залог чего брать кредит.

Я завела парнишку в дом. Через секунду студент шарил по двери в поисках заветной ручки. Судя по его глазам, он дошел до нее окончательно.

– На колени! – приказным тоном заявил призрак, явно с отличием закончивший школу «Юных диктаторов» и курсы повышения квалификации «Доминируй, властвуй, унижай».

Бедняга упал на колени и задрожал как осиновый лист, пытаясь спрятаться за меня.

– Я кому сказала на колени! – заверещала бабка. – Проси!
– Прошу, пощадите меня! – пролепетал слабонервный экзорцист.

– Пощадить? – верещала бабка, грозно тыкая призрачным пальцем в грудь дрожащего охотника за привидениями. – Сорвал цветочек! Надкусил ягодку! Расковырял дырочку в простыне! Дал своему мерзкому червяку переночевать в чужой норке! Засунул свой ключик в чужой замок! Проковырял стену своим гвоздиком! А теперь пощады просишь? Ну, нет! Как тебя зовут?

– Баччи! – прошептал бедолага, дергая меня за подол черного платья. – Тьфу ты, Фрэнко! А полное имя Фрэнко Баччи!

– Хрен Собачий? – прищурилась бабка. – Повторяй! Я, Хрен Собачий, беру Анабель Эрланс в законные супруги, пока смерть не разлучит нас! И признаю ребенка, которого ей заделал, своим! А ну быстро!

– Чего? – прокашлялся экзорцист, с ужасом глядя на меня. Он и так сообразил, что только что сам вляпался в продукты жизнедеятельности, а тут еще бог Гименей навис над ним с лопатой.

Я отступала вместе с неудачливым «изгонителем» в сторону двери, которую совместными усилиями нам удалось открыть.

Когда мы выбрались на улицу, молодой человек все-таки сделал мне предложение, отправив меня на... медовый месяц. Я видела, как он стремительным шагом покидал площадь, натыкаясь на прохожих и неуклюже извиняясь. Больше я его не видела. А я – то свято верила в то, что на каждый

призрак оперы найдется «установка и удаление программ».

Через десять минут появилось сразу двое коренастых «экзорцистов». Один из них нес какие-то бумаги, другой тащил большую сумку.

– Я так понимаю здесь! – отрывисто произнес один, оглядывая дом, – Деймон! Ты готов?

– Да, Саймон! Готов! – поддакнул второй, разворачивая сумку. – Я взял с собой на всякий случай все записи, свечи, круг для вступления в контакт, спиритическую доску и пару зелий на случай, если дух окажется буйным! Ничего! Сейчас мы быстро изгоним призрака!

– Оплата по факту изгнания! – сразу предупредила я, глядя на все приготовления. Они надели себе на шею какие-то амулеты, достали из сумки какой-то кристалл и записи.

– Нам деньги не нужны! Мы – братья Кольт! Напишите про нас статью! И чтобы она была на главной странице! – вздохнул второй, сосредоточенно глядя на дверь.

– Мы пройдем в дом? – спросил первый, делая знак второму. Я открыла дверь.

– Тссс! – прошептал Саймон, прислушиваясь. – Я чувствую присутствие! Тихо... Он где-то здесь! Деймон, ты тоже это чувствуешь? Смотри, как кристалл светится! Это означает, что потусторонняя сущность поблизости! Просто мы ее не видим! Я чувствую, как повеяло могильным холодом... Это точно он! Думаю, что мы сумеем вступить с ним в прямой контакт!

Ага, сейчас она сама вступит в контакт с вашими мозгами. И деловым этот контакт назвать будет сложно.

– О призрак! Яви себя! – прокашлялся Деймон, доставая какой-то бутылку из сумки. – Скажи нам что-нибудь! Дай нам знак, что ты нас слышишь!

Ребята были настроены решительно. Один держал в руках горящую свечку, другой бутылку с каким-то странным содержимым.

– Так, мадемуазель, отойдите в сторонку! Предоставьте это дело профессионалам! – прошептал мне Саймон, заслоня пламя от сквозняков и всматриваясь в темноту коридора. Деймон держал бутылку наготове.

– Попойку устраиваете? В моем доме! Позор! Позор! – заорала бабка, появляясь из стены. Раздался «бух», следом другой.

– Да, экзорцисты вы так себе! – кряхтела я, вытаскивая два тела, валяющихся без сознания под истерические крики призрака.

Через пять минут «охотники за привидениями» пришли в себя и стали перерывать свои записи.

– Эм... Есть простой способ изгнать призрака! – нервничал Саймон, шурша листочками. – Нужно откопать его останки и показать ему, пояснив, что он – умер. Когда призрак видит свое тело, он начинает понимать, что он – умер!

– А попроще варианты есть? – расстроилась я, представляя, как в черном платье волоку старый гроб через весь

город, затаскиваю его в дом, чтобы предъявить его бабке на опознание. Гроб по дороге рассыпается, оттуда вываливаются косточки, я, матерясь, собираю их и закидываю обратно, стараясь максимально обеспечить целостность и сохранность запчастей. «Все в порядке! Не обращайтесь внимания!» – улыбаюсь я, толкая гроб перед собой. Можно прикрутить к нему колесики, впрячься как лошадка, а потом катить в сторону дома. Главное, чтобы он с тележки не упал. А то как-то неловко получится. Костей не соберешь!

– Если вы приходите к ней родственницей, то можно попробовать начертить круг, обагрить его вашей кровью, и тогда удастся заключить призрака в круге, откуда потом его легко будет изгнать! – со знанием дела заметил Деймон, тыкая мне в лицо каким-то заумным рисунком и спешно собирая бумаги в портфель.

– Нет, мы с ней не в кровном родстве! – вздохнула я. Никогда мне еще не хотелось быть кровным родственником этой милой мертвой пожилой женщины. Пожилой, потому что пожила, и хватит!

– Мы подумаем, а потом вернемся! Нам надо посмотреть в архивах! – братья стали пятиться в сторону калитки. – Мы еще с отцом посоветуемся!

Через минуту от них даже след простыл.

В редакции меня ждали деньги. Пятьдесят эрлингов за две статьи. Я немного посидела и выпила любезно предложен-

ный редактором чай.

– Опять объявился Невидимка! Читала «Справедливость и закон»? Все тот же! Неуловимый! Поговаривают, что – маг. Следы замечает отлично! – произнес редактор, любясь нашей газетой. – Размели весь выпуск газетенки инквизиции, как горячие пирожки! Поговаривают, что кто-то из магов проводит свои эксперименты на людях. Всем охота узнать подробности таинственного исчезновения девушек! Некоторых находили. Ничего не помнят, даже имени своего. А некоторых находят мертвыми...

Я молча допивала невкусный травяной чай, понимая, что интервью у маньяка я готова брать только сквозь прутья решетки, но уж никак не в темном переулке. «Расскажите, как вы нашли свое призвание?» – я задаю вопрос, глядя на окровавленную фигуру, склонившуюся над телом очередной жертвы.. «Хм... Самое сложное начать! А потом все как по маслу!» – отвечает мне маньяк, почесываясь ножом. «Это – ваша основная работа?» – задаю вопрос я, глядя как он расчленяет свою добычу. «Да нет, это – мое хобби!» – скромно отвечает садист. – «Вообще-то в жизни я – примерный семьянин, отец десятерых детей и просто хороший человек!». Я быстренько записываю. «Ну раз уж вы заговорили о семье, то как они отнеслись к вашему хобби? Осуждают? Поддерживают?». Маньяк вытирает руки об одежду жертвы и задумывается. «Раньше осуждали, а теперь нет. Я убил их первыми!» – вздыхает он. «Соболезную. А кто же вас то-

гда поддерживает?» – интересуюсь я, делая пометки. «Голо-
са в моей голове! Без них бы я никогда не справился! Они
прямо шепчут мне «убей», «убей всех!» – улыбается маньяк.
«Какие у вас планы на будущее?» – спрашиваю я, глядя на то,
как под жертвой растекается лужа крови. «Я не собираюсь
останавливаться на достигнутом! Ни в коем случае! У меня
большие планы, главное, чтобы не арестовали!». «Спасибо
большое! Успехов вам! И всего самого наилучшего!» – мило
улыбаюсь я, маша ручкой на прощание. «И вам спасибо!» –
машет мне маньяк, оттаскивая жертву в сторону. – «Я зав-
тра на работе с удовольствием прочитаю вашу статью! Вы
только напишите, что я – хороший человек. Просто убивать
люблю...»

– Так что если что-то разнюхаешь – милости просим! –
улыбнулся редактор, протирая лысину и выводя меня из глу-
бокой задумчивости. – Плачу сто эрлингов! Сразу!

Я смотрела предыдущие выпуски газет. С жадностью лю-
доедов, с восторгом маленьких детей, приметивших на вит-
рине сладости, с прытью гламурной кошечки, увидевшую
последнюю модель на распродаже, народ читал нашу газе-
ту. Их мало интересовали передовые разработки местных
умельцев, им было глубоко фиолетово на достижения магии,
их интересовала смерть. И чем больше, тем лучше. Имен-
но репортажи о смерти выносились в первую колонку, имен-
но подробности безвременных кончин становились люби-
мой темой для семейной беседы за обедом и поводом пого-

ворить за ужином. И тут меня осенила гениальная идея. Делать «бабки» на бабке. Аттракцион для любителей пощекотать нервишки!

Я закусила ручку и села писать статью под заголовком «Кто еще не видел настоящее фамильное привидение? Аттракцион не для слабонервных! Только один из десяти выдерживает встречу с НАСТОЯЩИМ призраком!». Я подвела нехитрую калькуляцию и прикинула, что за вход я буду брать пять эрлингов, за выход – не меньше ста. Держись бабка! Сейчас ты узнаешь, как я умею наматывать нервы на кулак!

«Никто не знает, как она умерла. Одни говорят, что она оступилась и упала с лестницы, сломав себе шею в трех местах и позвоночник в двух, другие уверяют, что ее жестоко и зверски убили прямо в ее собственном доме! Есть так же те, кто верят в то, что старушка сама свела счеты с жизнью, узнав, что ее семья разорилась. Так или иначе, ее тело было предано земле, но ее рассерженный дух до сих пор обитает в горячо любимом доме! И теперь каждый может похвастаться тем, что видел настоящее привидение! Уверяю, это очень опасно и интересно увидеть воочию доказательство жизни после смерти! Вход платный!»

Редактор взял за заметку пять эрлингов и обещал, что пустит ее в печать завтра утром. С наслаждением перечитав «рекламу», я вздохнула. Обычное дно превращалось в золотое!

Я купила краски и кисти, нашла возле дома старую дощечку и быстро нарисовала цветастую, но корявую афишу, которую с фанатизмом дятла прибила камнем к забору. На следующее утро я обомлела. Под дверью стояла толпа. Выбравшись из окна, я успокоила желающих пощекотать нервишки, а потом открыла дверь и стала запускать их по пять человек. Первая партия вылетела пулей через две минуты. Из дома раздавались истерические крики бабки: «И ты, бесстыдница, срам прикрой! То же мне, замужняя! Небось, нагуляла своего ребенка от любовника! Срамоту в подоле принесла! А ты, чего зыркаешь, недокормыш! Тоже мне, студент нашелся! Знаю я, как вы там учитесь! Только пьете да гуляете!»

Моя коробочка пополнялась монетками, а моральные мазохисты прибывали и прибывали. Все! Такими темпами я быстро оплачу все штрафы, отгрохаю себе новый особняк, найму слуг и... Бабка уже совсем озверела: «Чего пальцем тычешь, молокосос! Пороть тебя надо! А ты чего zenки вылупил? Небось, матушка жалеет, трясется надо тобой! Вырастешь пьяницей и вором!». В моем доме побывало уже человек сто. Кто-то с укором замечал, что «делать деньги на фамильном привидении – это низко, греховно и бездуховно», но при этом, протягивая деньги за вход сразу за все свое достопочтенное семейство, включая не менее сварливую бабку, которой явно было интересно, как правильно отравлять жизнь потомков после смерти. Семейство «моралфагов» с нетерпением ждало своей очереди, обсуждая мо-

рально-этический аспект «заработка на призраке», изнывая от желания поскорее увидеть оного.

– Это кто здесь так радостно торжествует? Я! – мурлыкала я, пересчитывая свой доход, сидя возле дома. Гордость, честь, чувство собственного достоинства, смекалка и наглость собрались на поминки моей совести, которая скончалась после долгой и продолжительной болезни в страшных мучениях, оставив после себя шикарное наследство.

Я – богата! В моей коробочке лежала тысяча эрлингов! Тысяча! Если быть точнее, то тысяча сто пять!

И тут я увидела, как к моему дому идет патруль инквизиции. Они обступили меня со всех сторон.

– Штраф за незаконную предпринимательскую деятельность! 500 эрлингов, – произнес кто-то из инквизиции. – Штраф за нарушение общественного порядка, 500 эрлингов. Ваши соседи выразили недовольство шумом.

Ага, «прекратите свой шабаш, а то я инквизицию позову!» Да они меня за банкомат держат! Я что? Главный налогоплательщик? Неужели на моих хрупких плечах лежит фискальная функция всего города-государства? Я почувствовала себя градообразующим предприятием. Чиновники разводят руками перед бедными пенсионерами, мол, пенсий пока нет, но вы держитесь. Анабель Эрланс еще не погасила штрафы! Такое чувство, что за мой счет существует весь госаппарат! Я что? Главный инвестор? Или кому-то не хватает на премию?

– Передайте своему канцлеру мой пламенный привет! – ответила я, злобно глядя на инквизицию, прижимая к груди честно заработанное. – Такое чувство, что я держу в страхе весь город! ТERRORизирую окрестности! Все, спасибо за внимани... Что вы делаете? Уберите руки от таблички! Я кому сказала!

Ну все, накрылась мое индивидуальное предпринимательство. А у меня как раз были планы быстро сколотить «наливайку» и «вечно переезжающий бордель». А там и до казино рукой подать. Вот так экскаватором закона был демонтирован фундамент моей будущей бизнес – империи!

– Да чтоб ему так жена давала, как он мне заработать! – буркнула я, а потом меня осенило. Я хитро улыбнулась, понимая, что делиться надо не только ведром в песочнице, тортиком на собственном дне рождении и бациллами со всем автобусом в разгар эпидемии гриппа. Я схватила молчаливого главаря этой шайки и оттащила его подальше от общей массы подчиненных.

– Давайте решим этот вопрос любовно. Обещаю, начальство ничего не узнает! – сладеньким голосом заметила я, оглядываясь на застывшую на месте мрачную компанию. – Я понимаю, что времена тяжелые, кушать хочется всем и так далее. Как на счет небольшой прибавки к вашей зарплате? Процентом тридцать от выручки вас устроит?

Я снова оглянулась, в надежде, что нас никто не подслушивает. Нет, не потому, что боюсь, что кто-то доложит, а по-

тому, что придется делиться со всеми!

– Хорошо, сорок процентов! – я смотрела на маску. – Я предлагаю сорок процентов! Если так посчитать, то получится вполне неплохая сумма! Вы сколько зарабатываете? Думаю, что немного! Так вот, я предлагаю вам реальную возможность немного подзаработать. Вы делаете вид, что меня нет, а я делюсь с вами прибылью. Все по-честному! Никто не узнает, я вам клянусь!

Очевидно, инквизитор обдумывал предложение. Еще бы! Не каждый день предлагают заработать на ровном месте.

– Поймите, это – не взятка, а ма-а-аленькая благодарность за то, что вы закроете глазки и пройдете мимо! – настаивала я, закатывая глаза. – Хорошо, это – откат! Откат от вполне прибыльного бизнеса!

Я прижала к груди коробочку с деньгами. Где здесь продаются медальоны с эффектом +5 к красноречию?

– Я все понимаю, это говорит ваш долг и все такое, но вы только посмотрите на роскошные особняки! А на цены! Вот вы приходите домой с работы. Супруга смотрит на вас и спрашивает: «А почему так мало?», а тут еще детки бегают голодные и заглядывают в пустые тарелки, мол, папа, а когда мы будем кушать? – моя фантазия разыгралась не на шутку. Зря я вспомнила честного гаишника. – А вы вздыхаете, мол, потерпите немного, и папа начнет зарабатывать! Вот увидите, жизнь наладится! А пока попейте водички и ложитесь спать! Я предлагаю вам не ждать милости от руководства. Я

предлагаю вам наладить жизнь прямо сейчас! У нас с вами все получится. Не переживайте!

Он молчал. Фу-у-ух! Так, пробуем с другой стороны. Остап Бендер! Благослови меня!

– Хорошо! Мир несправедлив. Давайте мы будем справедливы хотя бы друг с другом? А? Я предлагаю вам пятьдесят процентов от выручки! Пятьдесят! Почти, как родственнику! Считайте, пятьсот эрлингов в день! Пятьсот! В среднем, – прокашлялась я, гремя своей мелочью. – Да это же целое состояние! Поверьте мне, противозаконно только то, о чем все знают! А это будет нашей маленькой тайной! Давайте поможем друг другу в эти сложные и тревожные времена!

Ноль эмоций. Я прислушалась, в надежде услышать чавканье и причмокивание чужой совести, но тщетно. Может, она сейчас бьется в конвульсиях, пока ее зверски душат? А вдруг ей сейчас рот заклеивают?

– Мне проще заплатить вам, чем государству! – вздохнула я, глядя на него снизу вверх. – Какая разница, мой штраф и так пойдет вам на зарплату, если благополучно не осядет в кармане вашего начальства, а так мы просто немного сократим эту цепочку на пару звеньев. Так как? Вы согласны? Давайте будем дружить?

Что-то я не слышу писка калькулятора в голове или его калькулятор работает в беззвучном режиме?

– Обещаю, что ваш любитель корабликов ничего об этом

не узнает. Клянусь, – торжественно произнесла я, делая самые честные глаза на свете. – Ну войдите в мое положение, я вас прошу. Будьте же человеком, в конце концов! Давайте дружить!

– Ручку, – подал голос мой собеседник, протягивая руку в черной перчатке.

Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Конечно, мне бы самой было бы неловко озвучивать сумму вслух. Я спешно подала свой планшет и ручку, тревожно оглянувшись. Остальные стояли в построшке смирно, глядя на меня одинаковыми масками. Ну же, дружочек, чего ты так долго? Нули рисуешь? Ты там сильно не разгоняйся, я еще не олигарх!

Мой собеседник аккуратно что-то выводил. Он что? Тригонометрические уравнения вспоминает? Через минуту инквизитор протянул листок и бросил его поверх коробочки с моей добычей. Инквизиция удалилась, оставив меня наедине со штрафами и запиской.

«Я подумаю над предложением!» – гласила записка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

... среднестатистический памятник за год получает больше цветов, чем любая девушка

*– Ммм! Как пахнут! Особенно эта!
Отрежьте ей ножки, чтобы я ее в вазу
поставила!
(Камелия с дамой)*

Интереса ради, я присмотрелась к буквам. Почерк был красивым. Я бы даже сказала «каллиграфическим». Такое чувство, что кто-то купил два ящика прописей и в свободное от работы времени усиленно гоняет себя и подчиненных по правописанию. Когда я смотрела письмо и сравнивала почерка, в глубинах сознания рождалась едкая статья про «Финансовые амбиции главы инквизиции». Я отогнала наваждение.

Один щелчок пальцами, и я под пытками описываю, как воровала конфеты у сирот, беру на себя сорок «висяков» за сто лет, рассказываю захлеб кровью о том, как вступала в сомнительные связи со всей нечистой силой, летала во сне после горохового супа, купала черного кота в кипятке в полнолуние и так далее. Так посмертно я стану автором бестсел-

лера, который, надеюсь, окупит мои похороны.

Однако, меня пока не тянут волоком по земле в сторону костра, на моих запястьях еще не сомкнулись наручники, и я даже не знаю, как выглядят камеры для заключенных. Это означает что? Это означает, что я не делаю ничего сильно противозаконного и можно продолжать в том же духе!

Внезапно я увидела Томаса и Джеральда, идущих по направлению к моему дому и что-то горячо обсуждающих. Долговязый Томас был одет в синий плащ, а маленький рыжий Джеральд довольствовался каким-то подобием студенческой куртки коричневого цвета с гербом академии.

– Анабель! Анабель! – обрадовались они, завидев меня на пороге моего роскошного особняка. – Ты любишь цветы?

Хороший вопрос. Покажите мне пальцем ту женщину, которая не любит цветы? Даже если букет вызывает у нее дичайшую аллергию в виде крапивницы с осложнениями, она успеет сделать пару снимков на фоне «подарка», прежде чем ее увезут в реанимацию.

– А что такое? – подозрительно поинтересовалась я, не видя в руках магов букета.

– У нас... – начал Томас, подозрительно оглядываясь по сторонам, – к тебе дело есть. Наш хороший знакомый Ирвин Гамильтон – магроном или агромаг, как тебе угодно. У него дома – огромный дендрарий. И вот он вывел новый цветок! Представляешь! Он долго экспериментировал с магией и теперь ему срочно нужна статья, чтобы прославится

на весь мир!

– На весь оставшийся мир, я так понимаю? – спросила я, прищуриваясь. Джеральд подошел ко мне и шепотом произнес:

– Да! Он готов неплохо заплатить за нее! – поддакнул Томас, положив руку на плечо своего студента. – Нужна не просто «статейка», нужна ода мастеру! Думаю, что ты справишься! Мы, кстати, подали прошение по поводу штрафов.

Ой, ребята, а вы разве не умеете собирать кораблики? Могу показать работу мастера!

– Мы подали два одинаковых прошения! Там и тебя упомянули! – вздохнул Джеральд, а потом улыбнулся. – Ответ пришел буквально вчера! Представляешь! Короче, тебе надо будет уплатить всего пятьдесят эрлингов! Они случайно ошиблись! Как я и говорил!

Хм... Это точно последний город? Призрак совести явился пред моими глазами и посмотрел на меня так жалобно, что у меня сердце сжалось. « Не вздумай! Я – журналист! А хорошие журналисты не извиняются даже под дулом пистолета!» – возмутилась я, глядя как она достает вставную челюсть. Совесть исчезла. Да...

– ... и вот мы пообещали Ирвину! Магроном или агромаг – это маг, который занимается магическим растениеводством. Мы, например, универмаги... – заметил Томас, потирая длинный нос.

Я мысленно представила, вступительные в магическую

Академию. «Вам на какую специальность?». Эм... «Универмаг»? Нет, слишком большой конкурс. Пойду-ка я лучше в «гастрономы» и в «гастрологи». Плохие астрономы и плохие астрологи тоже нужны! Не знаю для чего, но после вступительной лекции «Введение в специальность», я выйду с верой в то, что именно на моей будущей профессии держится весь мир!

– Так как, Анабель? – задергался Джеральд, поглядывая на соседний дом. – Мы быстренько. Туда и обратно! Просто мы в разговоре упомянули, что у нас есть знакомая журналистка! Даже статьи твои показали. Выручай, а? Тем более, что он сидит в комиссии по приему научных работ! А нам позарез нужна его подпись!

– Ладно, – вздохнула я, пряча заработанные деньги. – Далеко идти?

– Да нет. Совсем недалеко... – Томас ухватил меня под руку, и меня потащили навстречу с ботаником.

Ботаник жил в заросшем, надеюсь, что не ядовитым плющом, доме. Помявшись возле двери, мы услышали спешные шаги. На пороге появился старичок в огромных очках – лупах и цветном халате. Переминаясь с ноги на ногу, он долго шурился на нас, пытаясь понять, кто мы такие. После короткого разговора, нас впустили в просторную гостиную. Том и Джерри быстро смылись, ссылаясь на то, что завтра в Академии в десять будет конкурс на замещение вакантной должности заместителя ректора, так что Томасу нужно готовить-

ся. Желаящих получить пожизненную пенсию очень и очень много!

Старичок вздохнул, поправил свои огромные очки и повел меня показывать свой огород в горшках. В моих жилах тоже течет кровь колхозников, поэтому я с удовольствием играла на ноутбуке во всякие фермы. Но в растениях я разбираюсь слабо. У меня из цветов прижился только кактус по имени Робинзон Крузо. Все, что можно было, сдохло или от недолива, или от перелива, но кактус умирать не хотел. Он стойчески переносил и жару и холод, всеми колючками цепляясь за жизнь и за штору. Встав на осознанный путь «чайлдфри», он игнорировал даже редкие периоды цветения и деления, в связи с чем, был одинок, суров и брутален. Оставшись в гордом одиночестве на необитаемом подоконнике, Робинзон целую неделю ждал пятницу, потому что я поливала его исключительно по пятницам.

У старичка все цвело и пахло. На полочках, под колпаками, в ящиках на полу, на потолке были растения. Одни брали меня на прицел своими острыми стрелами, другие тянули ко мне бархатные листья, третьи приветливо цеплялись колючими ветками за мое старенькое платье. Кто-то из них цвел, кто-то отцветал, а кто-то только выпускал молодой побег с бутоном. Красота!

– Присаживайтесь в кресло! – пискнул старик, протирая очки-лупы.

Я опустила в кресло и тут же взвизгнула и вскочила.

– Ой! Простите! Я забыл здесь семена «Попуса Колючи-са». Я его проверял... Понимаете, это – единственный способ проверить. Сейчас уберу! – занервничал дед, бережно вытаскивая из сидения три колючих зеленых яйца. – Вот теперь можете присесть! Точно «попус»! Как хорошо, а то я уже не чувствую...

– Да нет, давайте лучше пройдемся! – улыбнулась я, делая пометки для статьи. Мне здесь нравилось, поэтому я была настроена оптимистично. Дедушка любовно показывал мне свой гербарий.

– Обычные цветы и растения вы можете собрать на острове за городом, я же предлагаю чистую природную магию. Каждый цветок, каждый лепесток наделен особыми свойствами. Вот, например, «Половой Актус», – дед показал на какой-то цветущий укроп. Название меня слегка смутило.

– Может, полевой? – поинтересовалась я, глядя на мохнатые зеленые побеги с цветками, смахивающими на мимозу.

– Причем здесь «полевой»? Вы где здесь видите поле? Он растет на полу! И только на полу! Стоит поднять его повыше, как он чахнет и засыхает! Я люблю сидеть и следить за Половым Актусом! Беру свечку и смотрю на него! Актус любит огонь! Он всегда тянется к огню! – любовно заметил старикан, поглаживая укропчик. – Он помогает при головной боли! Я бы сказал, что это – лучшее лекарство!

«Ты мне ни на что не намекаешь?» – подозрительно спрашивает женщина, глядя сначала на кавалера, а потом на по-

даренный на первом свидании букет Полового Актуса.

Я прошла еще чуть дальше и увидела какой-то серый, невзрачный цветок, свисающий, как слоновий хобот... Фу! Ну и запах! Кхе! Запахло геноцидом для носовых рецепторов.

– Это Грязный Носокус! – гордо заметил агромаг или магноном. – Носокусы все такие. Они любят расти в самых неподходящих местах! А знаете, почему я назвал этот вид грязным?

Запах мне подсказывает, что бабочки с него просто отваливаются и падают замертво. Особо впечатлительные даже не долетают и дохнут на подлете!

– Потому, что цвет у него грязно-серый. Носокусы обычно яркие. Отлично помогает при любой боли! – дедушка поправил горшочек, откуда свисал комочек грязных носков. – Его нужно подержать во рту и боль проходит. Прямо срываете цветочек и держите во рту! Я вам еще не показал Грязный Трусис. Он очень трусливый. Боится сквозняка. Трусис отлично помогает при болезнях носоглотки...

Противогаз, срочно. Такое чувство, будто я забыла селедку в пакете на две недели, а потом открыла и... экспресс лечение заложенного носа за один вдох. В качестве бонуса – промывка желудочно-кишечного тракта. И, возможно, прямо в тот же пакетик.

– А вот Сикус! Моя гордость! – дед снял с полки какой-то горшок с коричневыми цветами. – Я сам его удобряю! Хотят-

те понюхать? Можете пожевать листик! Помогает сосредоточиться! Я сам так делаю!

Я уже мысленно бежала в розовом платье с кружавчиками и в армейском противогазе по полю, где росли Сикусы, Носокусы и прочие Трусысы. Дохлые бабочки валялись под ногами, а я понимала, что если я сейчас же не покину поле, то запах разложения моих останков вряд ли учует даже поисково-спасательная собака.

– Ой! А это что? – поинтересовалась я, глядя на какой-то голый стебелек с единственным жалким цветочком.

– Я еще не придумал ему название, – вздохнул старик. – Возможно, у вас есть варианты.

Я вспомнила, что бывший муж дарил мне по праздникам. Имя цветку напрашивалось само собой.

– Фигус? – предложила я, глядя на цветочек.

– Замечательно! Я сейчас же внесу его в свой каталог! Фигус! – обрадовался агромаг, беря в руки ручку и отрывая листок. «Фигус» – написал он и примостил возле цветка. – Это чтобы я не забыл! Я могу вам его подарить! Забирайте!

– Спасибо, мне часто дарили фигусы! Ух ты! А это что такое? – я изобразила восхищение при виде огромного коричневого цветка. Он был покрыт огромными, не внушающими доверия, колючками.

– Это Какус! Красивый? Не так ли? Подуйте на колючку! Смелее! Он любит ветерок! – ободрил меня агромаг, подув на цветок. Сразу два бутона расцвели, источая аромат обще-

ственного туалета. – Я бился над его созданием два месяца! Он отлично помогает тем, кто часто впадает в уныние.

Первый, кто подарит мне букет из Сикусов, получит ногой в Какус.

– Я уже говорил, что это – необычные цветы. Таких, поверьте, вы нигде не найдете! – гордо заметил старичок, вдыхая полной грудью отвратительный запах. – Они не растут в дикой природе! Почти все здесь в единственном экземпляре! Я сам, лично испытываю их целебные свойства на себе! И вы знаете, помогает!

«Как я тебя узнаю?». «По запаху. У меня в руках будет букет Носокусов!». «А можно я не приду?»

– Но я хотел вам показать не это! Я наконец-то создал настоящий шедевр! Я пока не знаю, как его назвать, но когда вы увидите его, то поймете, что он – совершенство! Ой! Погодите! Вы ведь – девушка? Не так ли? Когда десять лет назад я занялся выведением этого цветка, я решил, что назову его в честь первой девушки, которая его увидит! – старик потер ладошки, ведя меня в какую-то тайную комнату. – Как вас зовут, напомните еще раз?

– Анна! – машинально выдала я, следуя за хозяином по ступенькам в какое-то подземелье.

– Аннус! Вот оно! Именно Аннус! А я-то думал, как же его назвать! Представляете, как вам повезло! Не каждая девушка может похвастаться тем, что ее именем называют шедевр! – гордо заметил магноном, зажигая свет. Он закрыл

дверь на ключ и положил его в карман халата.

– Может, лучше Анабелус? – спросила я, с надеждой, что все еще можно исправить.

– Аннус! Только Аннус! Правда, нужно еще что-то добавить к Аннусу... – задумчиво почесался старичок, открывая ржавым ключом старую дверь. – Большой Аннус! Вы на самом деле восхититесь его размерами!

Я всегда знала, что хорошие вещи в честь меня не назовут, но когда увидела своего тезку, я поняла, что «поливать супом нельзя поливать водой» – это только цветочки.

На полу в огромном разошедшемся корыте произрастало нечто страшное. Гигантских размеров корнеплод наполовину выглядывал из-под земли, пуская какой-то выюнок по стенам. Сам по себе он напоминал воспаленную попу бабуина. Цветочки у него были мелкие, листики тоже, зато на каждом побеге виднелись огромные колючки.

– Я хотел его пересадить, но сами понимаете, это сделать тяжело! – начал старик, любуясь своим творением. – Стал я его как-то вытаскивать...

«Посадил дед репку! Выросла она большая – пребольшая!» – нараспев звучала в моей голове сказка. – «Тянет-потянет, а вытянуть не может!»

– Аннус любит солнечный свет. Стоит немного пустить в подвал солнца, как он начинает расти невероятными темпами! – заметил дед, подходя к нему поближе. – Вот только вчера я добился того, что он начал цвести! И решил по-

звать журналистов, чтобы продемонстрировать им свой шедевр! Впечатляет? Не так ли? Мир должен увидеть мой Аннус в лучшем свете!

Нет, не надо! Я вас умоляю! Пощадите!

– Да... – вяло отозвалась я, разглядывая заросшие стены. – А в чем польза от этого... эм... растения?

– Вы записываете? Записывайте! Аннус Плотоядный! Он с удовольствием ест все! Он идеально подходит тем, у кого дома есть домашние животные! – не уставал восхищаться дед. Что-то мне не очень нравится все это. – Он будет с радостью доедать то, что не доели хозяева! Если посадить его на городских клумбах, то проблема с мусором на улицах будет автоматически решена! Представляете, насколько Аннус улучшит жизнь горожан? Кстати, запишите, что там, где растет Аннус, не растут другие растения! Так что он отлично борется с сорняками!

И тут я поняла, что Аннус зашевелился. Точнее, зашевелились его побеги. Слово «побег» вертелось у меня в голове, когда я смотрела, как ползут в нашу сторону его колючие ветки.

– Да не бойтесь вы! Его свойства еще не изучены, но я уверен, что это – прорыв в науке! – старичок протер очки, подслеповато шурясь на свое детище и подходя к нему поближе. —Он не...

И тут я поняла, что побеги обвивают руку деда. Один рывок и половина деда была в «репке». Следует заметить, что

Аннус заметно оживился, пытаясь поглотить создателя целиком, как удав.

– Помогите! – орал ученый, пытаясь выбраться из ..., а, впрочем, все равно из чего. – Пусти меня!

По деду потекла липкая прозрачная жидкость. Мама! Я шарахнулась в сторону двери, но дверь была закрыта. «Где светило с мировым именем?» – спросят меня завтра. С каким же удовольствием я отвечу: « В Аннусе».

– Несите сучкогрыз! – верещал местный Мичурин, роняя очки на пол и протягивая ко мне дряблую руку. – Нет! Лучше сучкопил... Ай! Колется! Дайте мне руку! Несите что-нибудь! Вы что? Не видите, что он меня сейчас проглотит!

Я попыталась вытащить ученого, но из-за слизи, обильно текущей по его рукам, мои руки соскальзывали. Аннус увеличивался в размерах. Его щупальца шевелились и расцветали красивыми белоснежными цветками, похожими на цветы яблони.

– У него сейчас просто период цветения! – стонал старик, захлебываясь слизью. – Вы не подумайте, что он опасен! Он цветет один раз в году! Просто я думал, что в это время нужно просто не выходить на улицу. Всему городу.

«Один раз в год сады цветут! Весну любви с тревогой ждут!» – вертелось у меня в голове, глядя на это чудовище. Я снова бросилась вытаскивать деда, отбросив свои бумаги и все сомнения. Приходилось тянуть изо всех сил, но ноги скользили по полу, словно я впервые вышла на каток. Я, чув-

ствуя себя коровой на льду, уперлась ногой в своего тезку. Слизь густела, становилась липкой, словно клей ПВА, но я не сдавалась. Еще немного! Все мои волосы были в слизи, все мое платье было в слизи, а нога по колено ушла в Аннус. Премия Дарвина была близка как никогда! А потом Аннус сыто отрыгнет очками деда и моими документами. Отомстит мне, так сказать, за всю съеденную картошку.

Я потратила пять минут, чтобы попытаться освободиться, и тут дед внезапно вспомнил, что он маг, поэтому попытался использовать заклинание. Красная вспышка озарила подвал. Аннус задергался, а потом вместо того, чтобы выплюнуть нас, стал увеличиваться в размерах. Его молодые побеги поползли по всем стенам, расцветая красивыми белыми, приятно пахнущими цветами.

Я почувствовала, что я уже вся испачкалась в клейковине, сделала рывок и вытащила деда. Тапок на нем был только один, слизь текла с него ручьями, зато цветочек распробовал мою ногу и потребовал добавки в виде остального тела. Так меня не хотел еще ни один мужчина.

– Сделайте же что –нибудь! – взмолилась я, глядя на ученого и пытаюсь высвободиться.

– Эм... Простите, но я не могу... Просто если кто-то узнает, что Аннус опасен, то меня посадят в тюрьму! – пробормотал Мичурин, испуганно оглядываясь и шаря по карманам в поисках ключа. – Меня уволят из Академии, лишат пенсии, надбавки... Так что, простите, что так получилось! Я очень

сожалею... Мне действительно очень жаль...

Я попыталась дотянуться до ручки, лежащей на полу. Ручка выскальзывала, но я упорно ловила ее в озере слизи. Наконец мне удалось ухватить ее, и я с остервенением начала долбить ею огромный корнеплод. Из ран нанесенных ручкой вытекало что-то коричневое.

– Что ты делаешь! Десять лет моей жизни! – возмутился агромаг, поскальзываясь на полу. – Ты уничтожаешь самое дорогое, что у меня есть!

– Я спасаю самое дорогое, что есть у меня! – простонала я, нанося удары ручкой и пытаюсь высвободиться. Мой тезка опутывал меня своими лианами, но я отчаянно сопротивлялась.

– Я не позволю тебе причинять ему боль! – взвизгнул Ми-чурин, пытаюсь затолкать меня внутрь Аннуса. – Знаю, вы завтра напишете в свою грязную газетенку, что Аннус опасен! Так что будет лучше, если об этом никто не узнает!

И тут я услышала шаги.

– Помогите! – взвизгнула я, чувствуя, что меня всасывает уже по плечи. Через секунду дверь вылетела, а инквизиция сразу записалась в сборную по фигурному катанию.

– Оно пытается меня сожрать! – заорала я, чувствуя, что захлебываюсь приторной слизью. И тут я увидела, как двое из инквизиции выставили вперед руки и Аннус, первый и, надеюсь, последний в своем роде, разлетелся на части под истерический визг создателя.

– Да как вы смеете! Я буду жаловаться канцлеру от магии! Вы превышаете свои полномочия! – визжал Мичурин, грозно размахивая другим. – Это – частная собственность! Вы не имеете права в нее вторгаться!

Я лежала на полу в слизи, понимая, что второго ботинка я уже никогда не увижу. Первый был на месте. И тут со всех веток посыпались белые лепестки. Запахло яблоней. Я сумела встать и, пошатываясь, двинуться в сторону выхода.

– Я напишу на вас, уважаемая, жалобу! – возмутился дед, а потом обратился к инквизиции. – Она сама его спровоцировала! Я говорил ей, чтобы близко не подходила и ветки не обрывала! Женщины любят цветы, сами понимаете. Стоило мне отвернуться, как она тут же оборвала ветку! Но вы не подумайте, что он опасен! Вовсе нет! Просто растениям не нравится, когда у них что-то обрывают!

– Итак, вы задержаны. Оба. Следуйте за нами! – постановил какой-то низкорослый инквизитор. – Останки твари – сжечь! Проверить весь дом!

Обтекая слизью, которая на свежем воздухе превращалась в клей, сплевывая лепестки и ковыляя в одном ботинке, прижимая к груди свои документы, я следовала за патрулем, чувствуя, что после очередного штрафа мой бюджет не оправится никогда. Я попыталась стряхнуть с себя цветы, но они намертво приклеились к платью и волосам. Такое чувство, что я вся медом намазана и работаю исключительно на штрафы. Ирвин Гамильтон шел в халате и всю дорогу

рассказывал молчаливому патрулю о том, скольких усилий стоило ему вывести эту плотоядную репку, и сколько пользы она принесла бы, если бы не «эта красавица». При этом маг говорил так уверенно, что даже полиграф пошел бы дымком от напряжения.

– Ну надо же! Пришла писать статью про великого ученого! Я ей говорил! Ничего не трогай! Вот если бы вам что-то оборвали? Растения, они же живые! – грозно возмущался дед. – Так что я требую компенсации! Десять лет работы! Десять лет! Вы представляете?

Через полчаса мы пришли к какому-то высокому красивому зданию. Рядом с ним горели волшебные фонари, освещая огромные окна. Мое отражение впечатляло. Девушка-клумба! Ну хоть не колумбарий, честное слово!

– Срочно дайте мне ручку и бумагу! – требовал старик. – Я сейчас же напишу жалобу! Это – произвол! Я – ученый с мировым именем!

«Ага, а я тогда журналист с мировым именем!» – вздохнула я, пытаюсь содрать с волос прилипшие цвет. Пальцы были липкими, лицо было липким, даже юбка липла к ногам. Я вся была в каком-то сладком сиропе. Пахло от меня просто чудесно. Яблоками.

Нас поволокли на второй этаж. Деда втолкнули в одну комнату, меня в другую. Через полчаса меня позвали. Я с трудом отлипла от стула и обреченно двинулась под конвоем. Мы остановились у какой-то двери, в которую меня

осторожно втолкнули. Я так понимаю, после меня еще и руки вытерли.

Дверь за мной предусмотрительно закрылась. Кто заказывал сладкую и липкую женщину?

– А у меня как назло вазы нет, чтобы поставить в нее букет, – раздался низкий голос. День у меня сегодня явно удачный. Передо мной стоял тот, кого я меньше всего хотела видеть. Любитель корабликов. Собственной персоной.

Вблизи он был очень симпатичным, но меня это не утешало. Единственное, чего я не заметила в зале заседаний, так это тонкий шрам справа, идущий со лба, через бровь на щеку.

– Вижу, что вы рады меня видеть, – заметила я, присаживаясь на стул и пытаясь вытереть глаза. Правый глаз у меня открывался нормально, а вот левый периодически слипался. Ладно, пусть думает, что я ему подмигиваю.

– Я тут подумал над твоим заманчивым предложением. Возможно, я пожалею о своем решении, когда буду считать последнюю копейку, но я – человек очень гордый и принципиальный. Несмотря на всю мою бедность, я бы даже назвал ее страшным словом «нищета», я вынужден от него отказаться, – улыбнулся инквизитор, падая в роскошное кресло.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ... когда говорят про свободу слова, имеют в виду право хранить молчание

*Лучше всего схватывается тот клей,
который попадает не туда, куда надо!*

– Обидчивость – плохое качество для мужчины, – усмехнулась я, разглядывая дорогой интерьер кабинета. – Но вы подумайте хорошенько. Мало ли как судьба обернется? Я не сгущаю краски, но, сами понимаете, в будущее заглянуть невозможно, поэтому не стоит разбрасываться крайне выгодными предложениями.

Я отлепила от щеки прядь волос. Теперь ею можно стучать об стол. Надеюсь, что завтра мне не придется бриться налысо. Бабка будет рада – экономия воды и мыла! Тряпочкой протерла и красавица!

– Я тоже советую не делать преждевременных выводов. Документы, мисс предприимчивость, – инквизитор протянул ко мне руку. Я отлепила от груди планшет и протянула его навстречу протянутой руке.

Липкий планшет не хотел расставаться со мной. Инквизитор взял его сквозь белоснежный кружевной платок и попытался осторожно вынуть его у меня из рук.

– Боюсь, моя статья про сегодняшние посиделки начнет-ся словами «документы у меня оторвали с руками», – улыб-нулась я, делая самый невинный взгляд, пытаюсь отклеить пальцы от бумаги. Вблизи канцлер производил очень при-ятное впечатление, если бы не взгляд. Интересно, каким он был, когда ему было лет двадцать? Думаю, что он был очень даже ничего. Сейчас он тоже очень симпатичный. Не в моем вкусе, но симпатичный. Я снова пытаюсь понять, чем же он покори́л сердце бедняжки Анабель? В данный момент я чув-ствую себя «подружкой», которой решили показать того, кто нравится. «Ну как он тебе? Красивый, правда?» – призрач-ная Анабель с размытым лицом, рожденная моим усталым воображением, заглядывает мне в глаза. Ее глаза светятся от любви и счастья. «Ну да, симпатичный!» – соглашаюсь я, не потому, что не хочу ранить в душу влюбленную по самые уши, а потому что против правды не попрешь. «А какой ум-ница!» – вздыхает Анабель. «Да, не дурак!» – закатываю я глаза, давая понять, что больше обсуждать эту тему не хо-чу. Интересно, а что было бы, если бы мы с ней действитель-но встретились? Нет, мы не поменялись жизнями. Я просто проживаю под чужим именем, не более. Это не значит, что я обязана подражать ей во всем и любить то, что любила она!

– Не оказывай сопротивление, мисс предприимчивость! У тебя уже есть предположения, на какую статью потянет статья? – вкрадчиво заметил канцлер от инквизиции, глядя на меня с порицанием. Странно, он еще не читал, но уже

осуждает. Да что ж ты так на меня смотришь?

– Ну да. Мы с вами – почти коллеги. Я имею в виду, что руководствуемся одним принципом: «Был бы человек – статья найдется!» – улыбнулась я, отрывая от планшета пальцы вместе с бумагой, а потом счищая ее на пол.

– Я бы сказал по-другому. Был бы проступок, а наказание найдется. Так как на счет извинений, мисс полное отсутствие совести? – спросил инквизитор, испепеляя меня взглядом. Ничего, даже если меня испепелят, я все равно развеюсь.

– Как человек, я извиняюсь. Да что там извиняюсь! Каюсь, – криво усмехнулась я, глядя ему в глаза. – Как журналист – нет.

– Как человек, я принимаю извинения, – услышала я ответ, сопровождающийся красивой улыбкой, которая тут же исчезла. – Как инквизитор – нет.

– Это хорошо, – вздохнула я, глядя на часы. – Мне, как человеку, на душе стало гораздо спокойней. Зато журналист уже замер в предвкушении.

Я чувствовала, как мои ноги слиплись. Слиплось даже между пальцами на руках и там, где слипается у сладкоежек. В голове промелькнула шальная мысль о производстве универсального клея. Я уже мысленно жалела, что инквизиция уничтожила золотое дно, спасая мне жизнь. Клейкая лента, клей для бумаги, клей для обуви, клей для стекла... Маленькая мануфактура в подвале, я с дохлой крысой на веревке и двумя ведрами для сбора урожая. Закидываешь крысу,

дожидаешься обильного слюноотделения плотоядного растения, черпаешь вдохновение и разливаешь по пузырькам. Этикетки можно заказать в типографии. Золотое дно. Главное, что запах приятный. И делиться прибылью ни с кем, разумеется, я не собираюсь. А кто узнает? Жаль только, хорошая мысль приходит опосля. Хотя, кто его знает, может быть, эта росянка слюнявая только в редкие, но опасные периоды цветения? Тогда лучше не надо.

– Может, вам что-то подклеить? Я сегодня отлично клеюсь. Вы не подумайте, что я к вам липну. Вовсе нет, – сардонически заметила я, пытаюсь сдуть окаменевшую прядь волос с лица. – Просто думайте быстрее, а то клей застывает. Скажу честно, клей – отличный. Универсальный. Клеит все. И бумагу, и ткань, и кожу... Особенно между пальцами.

Инквизитор достал какую-то порванную папку. Через десять минут я почувствовала себя клеем-карандашом. У меня остался не только порошок в пороховницах, сопли в соплах и залежи клея в складках платья. Я щедро подклеивала переплеты, склеивала папки, бумаги и даже книги. «Моя ты умница!» – ласково произнесла старенькая школьная библиотечка, глядя на подклеенные учебники. – «Почти как новенькие!». «Спасибо, я старалась!» – скромно ответила я, вспоминая, как каталась с горки на своем портфеле битком набитом учебниками, а потом, высунув язык, подклеивала их. Не отказывать же себе в удовольствии!

– Я могу в баночку нацедить клея, – устало предложила я,

понимая, что влипла по полной. – Если у вас найдется подходящая емкость, я выжму подол. Просто там еще не все засохло. Благодарности не надо. Меня вполне устраивает то, что домой я уйду вместе с вашим стулом. Боюсь, что в мой интерьер он не впишется, но главное, чтобы я с ним вписалась в дверь. Стул пройдет, пройдет и все остальное. Главное, что с пустыми руками.

– Это может быть расценено с моей стороны, как покушение на чужое имущество, – сощурил желтые глаза инквизитор. Я поймала отблеск его очков. Он пристально смотрел на меня, а я начинала заметно нервничать. На часах было уже полдвенадцатого.

– Как там говорится? Поймать вора за руку? – я посмотрела на свои грязные и липкие руки. – Я ведь стул выносить собираюсь не руками. Так что вам придется ловить вора за другое место. Поверьте, вам будет очень неудобно это делать. Мне тоже...

– Совесть замучает? – поинтересовался канцлер от инквизиции присаживаясь в свое кресло и поправляя ручку, лежащую на столе рядом со стопками бумаг, аккуратно сложенных уголок к уголку.

– Дело не в совести. Дело в том, что я не знаю, пройду ли я с ним в дверь. Так или иначе, догнать меня не составит труда. Поверьте, я далеко не убегу! Но постараюсь, – я уже не знала, смеяться мне или плакать. Нервишки шалили так, что пора бы их поставить в угол. Маленькие террористы, требо-

вали печенья, конфет, горячей ванны и чая, но, увы, ничто из вышеперечисленного мне не светит.

Иногда настигает такое чувство, когда действительно грустно и смешно одновременно. Это бывает тогда, когда попадаешь в идиотское положение. Такое, как у меня сейчас, например.

– Мне нравится твой оптимизм. Как человек, я с радостью отпущу тебя домой, а как инквизитор, я еще не решил, – заметил канцлер от инквизиции, не сводя с меня испепеляющего взгляда святоши и праведника. Я даже проверила, нет ли на мне дыры, которую он прожег. Да нет, вроде еще нет.

– А я, как человек, скажу большое спасибо, зато как журналист обязательно опишу особенности тюремного быта во всех подробностях, – парировала я, глядя как он осторожно разворачивает мои слипшиеся документы.

– Анабель Эрланс. Отличный псевдоним, – произнес канцлер, снова глядя мне в глаза.

– Не жалуясь, – я отвела взгляд, изучая красивые и явно недешевые обои. На самом деле я только что сломала об него свой скан-детектор эмоций. В приборе для чтения чужих мыслей по глазам произошло короткое замыкание. Запахло горелым.

– Не хочешь почитать, что про тебя пишут? – поинтересовался инквизитор, протягивая мне лист бумаги. Да, я и сама понимаю, что душевный разговор не клеится, зато все

остальное склеилось прекрасно.

Дедушка с богатой фантазией разошелся на три листа. «Я – ученый с мировым именем! Я – заслуженный член президиума магического совета, почетный профессор Академии, автор более трех сотен монографий, научных трудов Ирвин Гамильтон обращаюсь к канцлеру от инквизиции. Сегодня я подвергся нападению. Под видом журналистки преступница проникла в мой дом, нанесла непоправимый урон моей репутации и моему имуществу! В результате ее бесчинств пострадал бесценный экземпляр Аннуса, названного в ее честь...»

Я боюсь даже писать статью про этого товарища, потому, что стоит назвать пару его растений, меня растерзают. Сначала на цитаты, а потом на кусочки. А за то, что произошло, я была бы не прочь помочь ему склеить лапы. Благо клей с меня течет в избытке.

– Впечатляет! И это все я? Взгляд со стороны, конечно, хорошо. Только смотря с чьей. Ну что ж. Готовьте штрафы и готовьтесь к тому, что я буду погашать их за ваш счет. Мучимая совестью, как человек, и алчно потирающая руки, как журналист. Вам же все равно, как все было на самом деле? – вымученно улыбнулась я, просматривая все претензии к моей персоне. Лицо стянуло от клея, поэтому даже улыбка стоила мне невероятных усилий.

Ответить мне не успели. На пороге стоял канцлер от магии собственной хмурой персоной, а за его спиной маячил

«ученый с мировым именем», он же кляузник по совместительству. Над главмагом не хватало только тучки, которая поливает его дождиком, а над головой «светилы» – начищенного до блеска нимба.

– Проходите. Вы слегка опаздываете, – заметил инквизитор, глядя на красивые часы, украшающие стену его кабинета. «Уж полночь близится, а Германа все нет!» – мысленно вздохнула я, понимая, что отмоюсь я еще не скоро. Если я сегодня не отмоюсь, завтра не отмоются все присутствующие.

– Я так понимаю, что это – та журналистка? – заявил канцлер от магии, заходя в кабинет. – Я как раз хотел поговорить по поводу завтрашней статьи, которую, я так понимаю, она собирается написать.

– Присаживайся, – канцлер от инквизиции указал на кресло. Маг прошел и сел в предложенное кресло. Ирвин сел на стульчик рядом, всем своим видом показывая, что правда на его стороне. – Сейчас тебя, мисс предприимчивость, будут учить, как правильно писать статью про ученого с мировым именем.

Вы время видели? Меня в двенадцать ночи будут учить, как правильно писать. Несите прописи! Сейчас займемся правописанием и левописанием.

– Я предлагаю разойтись по-хорошему. Завтра мы ожидаем увидеть серьезную статью про «великого ученого, внесшего колоссальный вклад в науку». Ваша журналистская ра-

бота – представлять людей в выгодном свете, поэтому я настаиваю на том, чтобы статья не выходила за рамки приличия. Все названия растений вы можете заменить на более благозвучные. На свое усмотрение. Мы готовы предоставить всю необходимую информацию, – произнес канцлер от магии, глядя на меня темными колючими глазами и хмурая черные кустистые брови.

Ну да, я ведь – журналист, а не репортер. Для репортера главное – скорость, а для журналиста – качество. Не в первый раз «пишу» интервью. Если вы думаете, что те интервью, которыми пестрят газеты и журналы – настоящие, то я, наверное, вас сильно огорчу. Не каждый человек может давать интервью. Далеко не каждый. И не каждый журналист может расположить к себе жертву так, чтобы получился диалог. Я не говорю про публичных людей, привыкших давать интервью за интервью. Они – профессионалы. Они – актеры. Написанное «мы встретились с имярек в его кабинете» чаще всего на самом деле выглядит так «я целый вечер сидел и обрабатывал корявые ответы, присланные его секретарем на электронку». Или это выглядит, как лихорадочная стенография «брета сивой кобылы» для дальнейшей художественной обработки до удобоваримого состояния.

– Ирвин Гамильтон – великий ученый. Его растения спасли жизни тысячам людей. Они широко используются в медицине, в парфюмерии, в магии. Думаю, что вам стоит уважить чужие заслуги. Об инциденте, который произошел, думаю,

упоминать не стоит. Тем более, никто серьезно не пострадал, – пояснял мне канцлер от магии, пока «великий ученый» рядом чинно кивал, соглашаясь со всем сказанным.

Я промолчала, вспоминая, скольких душевных терзаний стоит превратить «мычащего быка, который не может связать два слова» в «интеллигента в седьмом колене, спокойно цитирующего Шекспира в оригинале наизусть». Легким движением пера «невменяемый неадекват» превращается... превращается... в «образец для подражания». Реальное: «По пацански отвечаю за базар! Если че – бью рожу! Гыгыгы!» в тексте звучит примерно так: «Я – человек слова. Как говорил Вальтер Скотт: „Меньше скажешь слов, скорее справишь дело!“ В связи с этим я стараюсь быть немногословным, а доказывать свою правоту исключительно поступками». Аплодисменты – в студию! Гонорар – в карман!

– Простите, но вы сами понимаете, о чем вы меня просите? —скривилась я, глядя в глаза канцлеру от магии. – Разумеется, перечислять все я не собираюсь, но при этом упускать важные детали не намерена. Никакие заслуги в прошлом не смогут покрыть позор настоящего. Выживший из ума старик, заседает в президиуме, входит во все возможные советы исключительно за прежние заслуги, а в свободное от заседаний время занимается сумасшедшими и опасными экспериментами, один из которых чуть не стоил мне жизни. При этом он врет на каждом шагу, поливает меня грязью и пытается выставить виноватой. Что еще можно до-

бавить? Ничего.

В голове уже вертелся неплохой заголовок: «Пошлое настоящее прошлых заслуг». Но я отмела его, как неблагозвучный. Как журналист я не в обиде. А вот как человек....

– Да как ты смеешь! – возмутился Ирвин, вскакивая с места. – Я – заслуженный...

– Вы играете с огнем. Сами понимаете, чем может обернуться для вас правда, – перебил канцлер от магии, сплетая пальцы и хмуро глядя на меня исподлобья.

– Зато я прекрасно понимаю, чем обернется моя ложь. Пусть даже ущерб себе, но во благо чужой репутации, – усмехнулась я, идя на принцип и чувствуя себя, как двоечник на педсовете. – Я напишу статью. Упущу, так сказать некоторые подробности, но факт того, что прошлые заслуги не имеют ничего общего со старческим маразмом, я обязательно раскрою.

– Я еще раз повторяю, – зловеще произнес канцлер от магии. – Статья должна быть серьезной. Да, действительность придется приукрасить, но это – ваша работа. Если бы не Ирвин Гамильтон, то половину города стерли с лица земли эпидемии. Так что моему появлению на свет вы обязаны ему! За вами никто не стоит, поэтому я бы не рекомендовал вам...

Я почувствовала, как кто-то положил руки на спинку моего стула. Я даже не оглянулась. Не скажу, что этот странный жест придал мне самоуверенности, скорее он заставил меня слегка напрячься. Попасть между молотом и наковальней –

сомнительное удовольствие.

– Вы же понимаете, чем чревата для вас правда? Даже с морально этической стороны? – поинтересовался канцлер от магии, внезапно сменив тон. – Человек, сидящий перед вами – легенда. Имейте же уважение. Элементарное уважение к чужим заслугам.

– Искажения фактов в угоду прошлым заслугам – неприемлемо, – раздался позади меня голос инквизитора. – Я вспоминаю о прошлых заслугах только при вынесении приговора рецидивистам.

– Я настаиваю на том, чтобы преступницу наказали по всей строгости закона! Мой бесценный Аннус, который я имел глупость назвал в честь это бессовестной девицы, пострадал из-за нее! – орал Ирвин, заглядывая в глаза своему защитнику, тыкая в меня пальцем и вскакивая со стула. На нем был все тот же слипшийся халат, одинокий тапок и заляпаннные клеєм очки. Жалкое зрелище. «Легенда становится психом!» – промелькнул в моей голове спонтанный заголовок. Неплохо. Совсем неплохо. Я подумую.

– После этого заявления, я намерен ввести цензуру на названия, – раздался позади меня голос. – С завтрашнего дня мое постановление вступает в силу. Одной бессонной ночи вам должно хватить, чтобы достать словари и вспомнить правила словообразования и благозвучия. В противном случае я каждое заседание буду зачитывать особо понравившиеся названия вслух. Ирвинг Гамильтон! Будет справедливо,

если я начну с вас. И если кто-то рассмеется, я приму меры. Даже с учетом прошлых заслуг, боюсь, что ваше кресло освободится очень скоро и его займет более достойный кандидат.

«Да здравствует наш суд! Самый гуманный суд в мире!» – промелькнуло у меня в голове. Канцлер от магии нахмурился и подался вперед. Ирвин надулся от гнева, как индюк, захлебываясь от негодования.

– Нет! Ни в коем случае! – заорал Ирвин, дергаясь на своем стуле. – Я внес их во все каталоги! Я уже написал по ним целую стопку научных трудов и монографий!

– Кто учил вас перебивать? Вам не говорили, что это – невежливо? Даже для ученого с мировым именем, – вкрадчиво заметил инквизитор, стоя позади меня. – Сколько статей нужно написать, чтобы получить право перебивать? Предоставьте завтра перечень научных изданий и требования к оформлению. Я займусь этим вопросом в свободное от работы время.

Ирвин возмутился, но канцлер от магии бросил на него уничижительный взгляд.

– Я протестую! Я... – возмутился агромаг, глядя куда-то вверх. – Это инквизиционный произвол! Эта девица заслуживает тюрьмы! Я требую для нее наказание по всей строгости закона! Я не собираюсь молчать! Да вы знаете, кто я? Я – Ирвин Гамильтон! И я не позволю закрывать мне рот!

– Покиньте помещение. Акции протеста вы можете спо-

койно проводить в коридоре, а если быть точнее – на улице. Дверь открывается наружу. Достаточно просто повернуть ручку вправо до упора. Благодарю, – раздался голос позади меня, сопровождаемый шумным вздохом.

Ирвин бросил презрительный взгляд на канцлера от магии, который за него не заступился. Тот в свою очередь взглянул на часы. Ирвин никуда уходить не собирался, молча протестуя и пылая гневом.

– Я предлагаю вам скромное вознаграждение за моральные страдания и испорченное платье в размере тысячи эрлингов, если завтра в газете появится красивая статья о том, как ученый с мировым именем показывал вам плоды своей научной деятельности. Обязательно укажите, какой вклад он внес в науку. Не думаю, что стоит перечислять все его научные труды, но основные должны фигурировать в статье. Обязательно. Если будут какие-то вопросы, мы вам все расскажем и поможем грамотно составить библиографию. Этот человек действительно прожил всю свою жизнь, помогая другим.

Я молчала и смотрела на протянутые мне деньги. То, что было в подвале – цветочки. Сейчас мне в любом случае попадет на ягодки. Молот застыл над наковальней.

– Я уже высказала свое мнение, – ответила я, с сожалением отворачиваясь от протянутых денег. – Это – моя принципиальная журналистская позиция. Инцидент в красках описывать я не стану, но упоминание о нем будет.

Маг посмотрел на меня нехорошим взглядом, а потом нахмурился и вышел из кабинета. За ним засеменил в одном тапке Ирвин, бросая грозные взгляды в мою сторону. Дверь хлопнула так, словно кого-то только что пристрелили.

– Я могу идти? – спросила я, пытаюсь оторваться от стула. Несмотря на все нехорошие предчувствия, я смогла отлипнуть, глядя на безнадежно испорченную мебель философским взглядом любимой кошечки.

– Да. Тебя проводят, – произнес инквизитор, отворачиваясь. – Утром тебе выдадут новые документы взамен испорченных. Ах да. Завтра, чтобы я тебя не видел в Академии. Если увижу – пеняй на себя. Поищи другие темы для сенсаций.

Когда я шла по улице в сопровождении двух патрульных, со стороны это напоминало конвой. Такое чувство, будто они вели меня в тюрьму. Хотя, так оно и есть. Если для кого-то дом – это крепость, то для меня – это тюрьма. Моя облезлая тюрьма в ночном сумраке выглядела все так же убого и гнусно. В почтовом ящике я нашла письмо-уведомление о том, что вместо пяти тысяч мне следует уплатить всего лишь пятьдесят эрлингов. Я так же обнаружила письмо по поводу непогашенной задолженности за пять лет. Философски взглянув на пятизначную сумму, я вздохнула.

Меня довели до двери, которую я открыла своим старым ключом, мысленно пытаюсь мобилизоваться перед неизбежной головомойкой.

– Что это значит? Да как ты выглядишь? – выл призрак, капая мне ядом на напряженные нервы. – Не может быть! Тебя опозорили! Чужало мое сердце! Позор! Не для того тебя растили, не для того тебя кормили, чтобы... Да кто ж тебя после этого замуж – то позовет? Да что ж мне с тобой делать?

– Оставить в покое! – огрызнулась я, погружаясь в теплую ванну. Клей постепенно размокал и смывался. Волосы после вынужденной яблочной маски были гладкие и шелковистые, кожа на лице – упругой и нежной, а на поверхности воды плавали белые, приятно пахнущие лепестки. Деревянное платье и дубовые панталоны стояли у стены.

– Ой не думала, что доживу до того дня, когда моя внучка опозорит нашу честную фамилию! Да что бы сказал твой отец, узнав о том, тебя облили на улице помоями за твое развратное поведение! – возмущалась бабка, пытаясь спустить воду, но я зажала пяткой слив, не обращая внимания на крики.

Я лежала в воде, смывая с себя остатки клея, и думала над статьей. Нет, это будет не интервью. Это будет нечто другое. Через полчаса я сидела в своей комнате, сушила волосы полотенцем и писала.

«К вашим услугам – прежняя заслуга»

Статья посвящается некогда великому ученому Ирвину Гамильтону.

«Здравствуйте! Приятно познакомиться, я – ваша прежняя заслуга на магическом поприще! Я обеспечиваю вам по-

жизненную пенсию, уютное кресло в президиуме и совете. Я дрожащей рукой подписываю научные работы студентов и преподавателей, не читая их и не вникая в их суть. Я никогда не признаю свои ошибки. Именно на мне держится вся магическая наука. Я поучаю молодых и заставляю признать тот факт, что если бы не я, то их бы на свете не было. Именно благодаря мне, мой уважаемый обладатель, на вас смотрят с благоговением, прощая старческое слабоумие, опасные эксперименты, бредовые идеи. Я рада, что спустя столько лет, я обеспечиваю вам достойную и обеспеченную старость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.